

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

ВАТАТА

ИМПЕРАТОР

Ватага

Андрей Посняков

Император

«ЭКСМО»

2013

Посняков А. А.

Император / А. А. Посняков — «Эксмо», 2013 — (Ватага)

ISBN 978-5-699-65560-1

1413 год... Власть Великого князя Георгия Заозерского распространилась не только на все русские земли и Орду, но и на Литву, Польшу, Ливонию. Границы Руси вплотную приблизились к Священной Римской империи. Князь уже и сам стал забывать, что на самом деле он российский бизнесмен Егор Вожников, ради обретения необычных способностей решивший испробовать старинное заклинание. Ему теперь не до воспоминаний. Ведь германский император Сигизмунд лелеет мечту пойти войной на русские земли, организовать новый крестовый поход, повсюду сея смерть и разрушения. Единственный, кто может остановить захватчика, это князь Георгий, ибо властелин русских земель обрел волшебный дар предвидения, но, как оказалось, не навсегда...

ISBN 978-5-699-65560-1

© Посняков А. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава II	21
Глава III	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Посняков

Император

© Посняков А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

У каждого мгновенья свой резон...

Заросли бредины у болотины шевельнулись, словно там крался кто-то... Человек или зверь?

Высокий, едущий впереди небольшого обоза мужчина, придерживая коня, всмотрелся в кусты, поправил висевшую на боку саблю в потертых, выдавших виды, ножнах. Широкое, в общем-то добродушное лицо всадника, обрамленное густою черною бородой с серебрившейся сединою, ныне искажало предчувствие какой-то опасности, еще неведомой и, быть может, существовавшей пока лишь в мыслях.

– Соболь! – не выдержав, выкрикнул сидевший на первом возу парень в нахлобученной по самые брови шапке, отороченной беличьим мехом. – Семен Игнатьич! Глянь-ко! И впрямь – соболек! Может, стрелой его достанем?

Он схватил уже лежавший рядом, на возу, лук, да чернобородый Семен Игнатьевич, поправив синий, доброго фряжского сукна кафтан, под которым угадывалась кольчуга, обернулся с усмешкой:

– Ну, че выдумал, Афанасий?! Откель здесь, под Юрьевом, соболек-то? Поди, чужь местная да орденские немцы давно всех соболей повыбили. Куница то, не соболек!

– Да как же куница, Семен Игнатьич! – упрямо набычился Афанасий. – Что я, соболя от куницы не отличу?

Сказав так, парень, пряча обиду, отвернулся, посмотрел на прочих обозников – все мужики опытные, справные... впрочем, были и молодые ребята, человек пять:

– Эй, вы-то что скажете, отроци? Соболь?

– Да и не приметили как-то, – подъехав, ухмыльнулся в седле юноша в коротком татарском азяме до колен. – Но соболек тут давненько не водится – Семен Игнатьевич прав. Иначе что б мы немчуре продавали? Смекай, Афанасий!

Молодой человек постучал себя пальцем по виску и засмеялся. Смех его поддержали в обозе все, даже те, что у самых дальних телег ошивались – эти-то, спрашивается, что и видели?

– Вот, ржут, лошади! – обиженно сплюнув, Афанасий нахохлился, словно воробей у весенней лужи.

И в самом деле, сей обидчивый молодой человек сильно походил на воробышка. Худой, сутулый, с вечно растрепанными соломенными волосами и порывистыми движениями подростка, Афанасий был нынче в обозе самым юным – парню не исполнилось еще и семнадцати.

А уже не кто-нибудь – а младший приказчик! Ну, то, конечно, дядюшки двоюродного заслуга – славного новгородского купца, «заморского гостя» Семёна Игнатьевича Игнатова: пригреб сироту, не обидел – все ж родная кровинушка.

– Ладно, ладно, – посмеялся в усы купец. – Едем. Инда некоторым тут все еще соболя чудятся. Эй, Кольша, – чего застыл?

Кольша – тот самый насмешливый парень в азяме – дернул поводья коня, догнал переднюю телегу:

– Ай, Афанасий, и где ж тут твой соболек?

– Да там он, там – вона, в кусточках таится, ждет, когда проедем... видать, нора у него там где-то поблизости.

– Нора, – презрительно скривился Кольша. – Вечно тебе, паря, все чудится – то соболек, то людишки лихие.

– Да не чудится! – взорвавшись, Афанасий соскочил с телеги и, догнав купца, швырнул шапку оземь. – Семен Игнатьич! Дозволь быстренько глянуть! Ну, соболев то был... И вчера кто-то за нами шел, таился – я ж чувствую, я ж охотник. Да у нас, в Обонежье...

– У них в Обонежье и соболев-то никто не видал, охотнички те еще! И-и-и, Афоня!

Позади снова грянул хохот – понятно, поддерживали все насмешника Кольшу, а тот и рад – сам-то коренной, новгородский, семейка его всю жизнь на Плотницком конце проживала, и все остальные обозники: кто с Плотницкого, а кто со Славны – Торговая сторона, друга за дружку горой, вечно с софийскими ребятами по праздникам на мостах дрались. А Афанасий им кто? Да никто. И что с того, что Семену Игнатьевичу двоюродный племян? С Обонежья Нагорного до Новгорода-то – у-у-у... Неделью на лодке плыть да на коне скакать... инда еще и не во всякую пору проедешь с погоста-то Пашозерского. Чужак, чужак Афанасий – деревенщина, что с таким и говорить-то? Одеться как следует и то не умеет, все в онучах ходил, в лапотках да в кожаных плетеных поршнях, это сейчас малость пообтесался, сапоги себе справил, да в Юрьеве-Дерпте сторговал за полста кельнских грошей кафтан. С чужого плеча – сразу видно, что и говорить – деревня! Привык там у себя, в Обонежье, с весьянами якшаться, а весьяне те, многие говорят – язычники!

– У них там, в лесищах, пнищам трухлявым молятся да знать ничего не знают. Какой там соболев? Белка – и та за счастье! Ох-охотник, ха!

– Дядюшка, Семен Игнатьевич! – От обиды Афоня чуть на колени не пал – хотел, да постеснялся: засмеют, скажут опять – деревенщина неотесанная!

А он, Афоня-то, между прочим, и немецкий уже почти выучил, и латынь немного, и даже свейский... так, чуть-чуть, так ведь тот же Кольша и немецкую-то речь – через пень колоду, а уж о свейской и знать не знал. А туда же – насмехается!

– Дозволь, дядюшка, соболев поискать, запромыслить, все равно ж – сам сказал – сейчас на привал.

И столько мольбы было в светлых глазах нескладного, угловатого паренька, столько обиды...

А позади – снова хохот:

– Афонька-то там посейчас расплачется, ровно дите малое. А говорит – шестнадцать уже!

– Да врет он все! Кольша, слышь, у них, в Обонежье, и годов-то считать не умеют... а токмо соболев!

– В Обонежье-то и крашенная собака – соболев!

– А рукавицы они знаете как называют? Дянки!

– А когда хорошо, говорят – дивья!

– От деревенщины лыковые!

Тут и гость торговый не выдержал, обернулся, брови сурово сдвинув, погрозил кулаком:

– А ну, цыть! Ишь, рассупонились. Место лучше для дневки приглядывайте.

Оно, конечно, неплохо, когда есть в обозе такой человек, как Афоня, парень незлобивый, скромный, над которым и посмеяться можно без всяких обид, пошутить шуточки... как вон, вчера, привязали сонного за ногу к старому пню. Забавно вышло. Оно, когда с шуткой все – славно. И путь быстрее проходит, и об опасностях народ меньше думает, и по дому меньше скучает. Главное только – следить, чтоб до слез не доводили парня.

– Ужо сходи, Афанасий, – может, и впрямь соболев? А не соболев, так какую иную дичь добудь – как раз нам на обед.

– Ой, благодарствую, дядюшка! Век за тя буду...

– Да беги уже! А вы что выпялились? А ну-тко – живо у меня по дрова! Во-он на этой полянке и встанем.

Схватив саадак с луком и стрелами, Афанасий бросился с дороги в лес – в заросли орешника, рябины и липы. Уж если куда соболев и побегал – так только туда, уж не в болото же – а тут, почитай, по обеим сторонам дороги – трясина. Самому бы не пропасть – да уж Афоня человек опытный. Охотник, зря те смеются... лошади. Бывало, с батюшкой-то покойным и на медведя хаживали – сам-два – и на волка, и на рысь... Ну, рысь Афанасий и сам бить наловчился. Как белку – в глаз.

Быстро прошерстив весь орешник, юноша поглядел под липами и, обнаружив лишь отпечатки оленьих копыт, – остановился, перевел взгляд на темнеющий невдалеке ельник. А не туда ль соболев и подался? Конечно – туда.

Обнаружив рядом с ельником ручеек, Афоня никуда дальше и не пошел, схоронился в кустах можжевельника, держа лук со стрелой под рукой. Солнышко-то нынче разжарило – хоть и начало мая, а здесь, в ливонских землях, тепло, жарковато даже. Вот и зверь – рано или поздно, а к водопою придет, терпение только нужно. И – не спугнуть бы, не спугнуть.

Отрок улыбнулся и чуть прищурил глаза от яркого солнца. Уж тут-то он не прогадает – умеет и ждать, и таиться – охотник, что б там ни говорил этот краснощекий черт Кольша! Ишь, смеются... поглядим еще, поглядим!

Соболь это был, соболев – что ж, Афоня не отличил бы его от лисы или куницы?

Что-то промелькнуло совсем рядом – чья-то стремительная серая тень! Юноша вскинул лук и, углядев за кустом зайца, разочарованно свистнул – а ну-ка, беги отсюда, серый. Заяц в эту пору – никакая не дичь. Его по зиме хорошо кушать, нынче же зайца клещ сосет, болезни разные через слюну свою поганую напускает. Болезни те к косому не пристаю, а вот человек от них и помереть может. Так что скажи себе, зайчик, дальше – липу, вон, погрызи.

И вновь принялся ждать Афанасий, забыл уже и про обоз, и про то, что дневка – не вечная. Совсем забыл – охотничий азарт ухватил парня со всей своей властной силою, так, что и не упомнишь ничего, кроме охоты, и не уйдешь. Ох, напрасно отпустил парня дядюшка Семен Игнатьевич!

Таился Афоня в можжевельнике, соболев с терпеливостью поджидал да о своем думал. О том, что вчерась шли за обозом какие-то люди – то и доложено было дядюшке, да тот лишь махнул рукой – мало ли кто нынче по дорогам ездит да ходит? Ливонские земли – эт те не Пашозерский погост – народу-то куда как побольше. Вот и ездят. Кто в Дерпт-Юрьев на ярмарку, кто обратно, кто на поля – сев! – а кто и к озеру Чудскому, за сладкой рыбкою. Отрок и спорить не стал – гостю заморскому лучше знать. Однако для себя все запомнил – и сегодня, к ночи ближе, ладил посмотреть: кто ж там все-таки бродит? Все же казалось парню – вроде как таясь шли. Не нагоняли, но близехонько – то всегда по птицам орущим видно. Они – птицы-то – и сейчас орут, кружат. Но то ясно, почему – обозники на привал становятся, дровишки для костра рубят. Вот что-то звякнуло, а вот заржала лошадь – нехорошо так, тревожно. Наверное, увидела змею или почуяла волка.

Оп! Налетевший вдруг ветерок, легкий и по-весеннему теплый, принес запах зверя – еле различимый, но Афанасий сразу почуял, вскинул лук, затаил дыхание...

Ну, вот он – соболев! Небольшой такой зверек, мохнатый, с круглой головой и чуть вытянутой мордочкой. А мех... Пей, пей, соболев! Теперь уж ужо... А меха-то и нет! Плохой мех-то – весна. Прежний-то мех, пушистый, зимний – когда соболев только и бить! – сошел, а новый, летний... не мех, а смех!

И чего ради приложить стрелой зверя? Гордость свою потешить, чтоб знали все, кто такой Афанасий, сын Трегуба Иванкова? Не-ет, настоящие охотники так никогда не поступают – не дело то! Зверя, если не нужен, не стоит бить... Смеяться, правда, будут... Да пусть себе смеются! Брань – и та на вороту не виснет, а уж смех – и подавно.

Усмехнувшись, отрок поднялся на ноги и вышел из-за кустов – только соболевка и видали! Ускользнул в ельник вмиг, лишь хвостом махнул напоследок. Да и ладно! Куда лучше сейчас

какую-нибудь дичь запромыслить – перепелку, тетерку, рябчика. Чуть подальше – во-он там, в борке, наверняка есть кто-то. Наверняка! Правда – крюк, ну да ладно – ноги крепкие.

Опытный, несмотря на юность, охотник Афоня подстрелил двух тетерок довольно быстро – можно сказать, дичь сама в руки далась, – и, кинув птиц в котомку, зашагал к дороге.

Юноша в поисках соболя и дичи зашел довольно-таки далеко – и теперь нужно было как можно скорей возвращаться или уж в крайнем случае перехватить обоз по дороге, стерпев все последующие насмешки. А дичь – она и на ужин сгодится, хоть в лесу ночевать, хоть на постоялом дворе, – хозяйка запечет или сварит.

Углядев за черноталом дорогу, отрок еще прибавил шагу и уже почти бежал, перепрыгивая с кочки на кочку, когда вдруг услышал впереди ржание. Обоз!

Афоня хотел уж было покричать, помахать своим – те вот-вот должны были показаться из ельника... и показались...

Какие-то мрачного вида всадники в темных плащах, судя по одежде – немцы! Живо схоронившись за куст – а пущай, от греха, проедут, – юноша всмотрелся. Никакие это были не торговцы, а люди воинские, может быть даже – рыцари или сержанты, кнехты. На ком-то поблескивали кольчуги, на ком-то – кирасы латные, а у кого-то смешно топорщились бархатные, с гвоздочками, курточки – то не курточка, а боевой доспех из обшитых тканью пластин, называется бригантина и стоит – Афанасий сам видал в Дерпте на рынке – двадцать пять золотых монет – гульденов или флоринов, или венецианских дукатов! А двадцать пять флоринов – это... это... это... ммм... это почти две тысячи серебряных грошей – жалованье младшего приказчика за целый год беспорочной службы! Даже на один грош, и то много чего купить можно – скажем, кельнский фунт мяса, или дюжину яиц или пирогов, или... да на целый день хватит, а ежели скромненько – так и на два!

– Раз, два, три... – На всякий случай отрок шепотом считал немцев, знал: купец о них обязательно спросит, а сведения должны быть точными. – Дюжина и два... дюжина и три...

У всех всадников покачивались подвешенные к седлам шлемы – обычные, без всяких выкрутасов, каски, которые с удовольствием надевали в битву и рыцари – меч с таких касок соскальзывал. Кроме касок с латами имелись, конечно же, и длинные рыцарские мечи, и палаши, и боевые топоры – алебарды, а также еще кистени, шестоперы, палицы... ого! Еще и арбалеты – не со стремянем и рычагом «козья нога», а с зубчиками – кремальерой – удобней в лесу для зарядки, можно с лошади не слезать. Однако куда ж они такие оружные направились-то? К Чудскому озеру, в псковские земли, кои ныне Господину Великому Новгороду подчиняются, или Новой Руси, как его еще прозывали? Так вроде Новгород с орденскими немцами не воюет. Ни с недавно разгромленными тевтонцами, ни с ливонцами... Зачем тогда столько оружия с собою возить? Больших разбойничьих ватаг – про то дядюшка Семен Игнатьич говаривал – в здешних лесах нет, а малые...

– ...три дюжины и один, три дюжины и три... сорок!

...а малые на сорок человек не сунутся! Тем более те без товаров едут, без телег... А! Вот и гербы!

Афоня наконец-то разглядел на плащах всадников золотые с черным кресты да черного же одноглавого орда на золотом поле. Теперь все ясно – тевтонцы. Новгороду – Новой Руси – они теперь не враги, мира, торговлишки выгодной ищут. У тевтонских немцев, дядюшка рассказывал, самые лучшие корабли – не у всякого ганзейского города таковые сыщутся. С такими-то кораблями – чего бы не торговать-то? Вот и посуху, бывает, торгуют... хотя это-то вовсе на купцов не похожи... Ха! Ну, конечно ж! Ясно, куда эти тевтонцы едут, тут и думать нечего – в Псков, на службу воинскую наниматься, рубежи литовские охранять... бывшие литовские, а ныне – Новой Руси! Витовта с Ягайлом нет ныне – убиты иль бегают где – бог весть! Великий князь Егор-Георгий Заозерский всех прогнал, а еще ране – с Ордой замирился, царицу на престол посадив. Теперь та царица князю Егору обязана, вот и мир – никто с набе-

гами на землю русскую не приходит. Правда, у самих замятни хватает – то там, то сям – все обиженные правды ищут: то бывший московский властелин Василий, то тот же Витовт, а то – и кто из татарских царевичей, бабу на ордынском троне терпеть не желающих.

Да! Эти – на службу едут, деньжат подзаработать – дело верное, платят русичи нынче щедро! А говорят промеж собою чудно. Афоня прислушался, приложил руку к уху: вроде и немецкая речь... но не такая, как у орденских или, к примеру, ревельских да дерптских немцев – другая совсем, мало что и понятно.

Да и черт с ними со всеми – пусть себе едут. А показывать себя нечего – вдруг что задумают? Одинокого-то путника пограбить – милое дело, пускай и нечего, честно сказать, с Афанасия взять. Хотя... как же нечего-то? А тетерки?

Пропустив непонятных немцев, подросток еще некоторое время выждал – вдруг да вернутся за чем-нибудь? – и, выбравшись на дорогу, побежал к обозу.

Между прочим, далекомько пришлось бежать-то! Взобрался на горушку, с нее – вниз, да вброд через неширокий ручей, потом опять на пригорок, и снова – вброд, потом – ольшаником, ельником – а уж опосля... опосля и поляна знакомая показалась.

Никуда еще не делись обозные, даже волов да лошадок, пастись пущенных, в возы не впрягли. Посреди полянки догорал костер, а вокруг... Выбежав из-за елочной молодежи, отрок так и застыл в изумлении, отчаянии и горе!

Все обозные – все, кого он знал, включая самого купца, Семена Игнатьевича, – валялись на свежей травке в самых различных позах. Мертвые! Точнее сказать – убитые. Кто с проломленной головой, кто с разрубленной шеей, а кто и со стрелой в сердце... И все – добыты, ни одного раненого...

– Господи-и-и-и!

Оббежав всех и не отыскав ни одного живого, Афанасий грохнулся на колени в траву и принялся истово и громко молиться:

– Господи... да что же это такое? Да за что, господи?

– Умм... – кто-то вдруг застонал, совсем рядом.

Афоня вскочил с колен, бросился к ракитнику – оттуда и слышался стон.

– Господи... Кольша! Живой!

– Живой. – Красивое лицо юноши скривилось. – Только ранен малость – вон, в руку. Вовремя ты явился, Афонька... А ну-тко... помоги...

Пошатываясь, раненый поднялся на ноги и, оглядев усыпанную мертвыми телами поляну, застонал:

– О, святая София! Проклятые тевтонцы!

– Тевтонцы? – переспросил отрок. – А я же их видел – едва разминул. Человек сорок отряд, и ехали вроде как в сторону Пскова.

– Не, не в Псков – просто к озеру, а там до Дерпта – на ладье.

– Я вначале думал: они это на службу...

– На службу? – Кольша скорбно покачал головой. – Не-ет, сволочам этим денег не надобно – вон, и возы наши не тронули. Не за добром явились – за поражение свое мстят!

– Ты думаешь?

– Уверен... Сам посмотри.

Афоня оглянулся и вдруг увидел бегущую на поляну фигуру, в которой узнал тихого и невзрачного обозного паренька из простых – то ли возчика, то ли шорника, то ли просто слугу «на подхвате».

– Ого! – проследив за его взглядом, воскликнул Кольша. – Это ж Микита, челядин наш, раб! Э-эй, Микитка-а-а! Давай сюда-а-а!

Как и следовало ожидать, Микитка был испуган до дрожи и заикания:

– А я это... за водой, да-а... А они... Я смотрю – тут... Бух, бух... мечами, стрелами... Эвон, из ольшаника налетели... Язм в папоротниках схоронился, ага... Господи-и-и-и... что ж нам теперь делать-то?

– Не знаю!!! Не знаю, не знаю, не знаю!

Кольша, несмотря на весь свой гонор, тоже недалеко ушел от раба, разве что говорил более-менее связно, да вот только предложить ничего не смог, и, видя такое дело, Афоня взял ситуацию в свои руки – а что еще оставалось-то? Хоть кому-то – да надо. Почему ж не ему?

– Сперва похороним всех, – подумав, распорядился отрок. – Лопаты в телегах есть, давайте могилы копать. Потом крестики сладим, помолимся... А уж потом – поедем домой. Обоз-то цел!

– С ума сошел! – отмахнулся Кольша. – Вот так вот и поедем? Втроем?

– До озера доберемся, а там людишек найдем. – Афоня даже как-то сразу повзрослел, чувствуя неожиданно-негаданно свалившуюся ему на голову ответственность, которую – отрок это хорошо видел – больше не был готов разделить никто: ни новгородский приказчик Кольша, ни – уж тем более – Микитка-раб.

О челядине тоже, кстати, следовало подумать.

– Ты чей раб, Микита? Дядюшкин?

– Его...

– Дядюшка Семен Игнатьич, упокой его, господи, вдовец... думаю, ты и не раб боле!

– Как это не раб? – вскинулся Кольша.

– Не раб! – твердо повторил Афоня. – Дядюшка – вдовец, и ныне хозяина тебе, Микита, нету.

– Что ж мне – в изгой, что ль? – Челядин в ужасе округлил глаза. – Скитаться? Совсем пропасть?

– Почему в изгой? – рассудительно промолвил Афоня. – Я так думаю, в рядовичи мы тебя в Новгороде поверстаем...

– В рядовичи?! – В карих глазах раба вспыхнула радость.

– Да, в рядовичи! Так, как служил – и будешь дальше служить, токмо уж по ряду. Да не бойся, не бросим, тем более – после такого вот... Нам бы обоз довести, тут ведь и соль, и крицы медные – многие кузнецы в Новгороде его ждут не дождутся. Раз уж мы живы – доведем, найдем возчиков – серебро у дядюшки было – искать надо. Ну, что смотрите? Общем всех да за лопаты. Нам еще до озера добираться.

С трудом, с передышками, но вырыли-таки могилы, погребли всех, срубили-поставили кресты. Потом по очереди стали читать молитвы, уж как умели, что знали...

Кольшу пару раз вырвало, и он ушел к ручью – умыться... А серебришко, кстати, – нашли! Правда, не так уж и много.

– Одному хватит, – оглядываясь на ушедшего Кольшу, тихо промолвил раб. – Видал, Афоня, как он на серебро зыркал? Собла-а-азн!

– Да какой соблазн? – усмехнулся отрок. – У Кольши в Новгороде и дом, и семейство – куда он денется-то?

– Как бы он нас не...

– Да что ты такое говоришь-то!

– Говорю ж – соблазн! – тряхнув темными кудрями, упрямо повторил Микита. – А Кольша – не святой Павел. Ничо, Афанасий, – спокоен будь, я уж за ним прослежу.

– Однако, – Афоня зябко повел плечом, хотя было довольно жарко, – смотрю, не шибко-то ты приказчика нашего жалуешь...

– Видал кое-что... – Снова оглянувшись, челядин понизил голос до шепота: – Его рыцарь один едва не пришиб... да Кольша заскулил – тот его в живых и оставил... Похоже, что одного – он, приказчик-то, последний и оставался – в ракитнике.

– Не убил, говоришь? – Юный охотник в недоверчивом удивлении вскинул левую бровь. – Так что ж – сжалился?

– Кто его знает? Может – и так.

– А зачем свидетеля в живых оставлять? Не знаешь? – Глянув на собеседника, Афоня махнул рукой: – Вот и я не знаю. А что за рыцарь-то?

– Такой, лет, может, тридцать или поболее. Лицом худ, борода рыжеватая, острая... да, в левом ухе – серьга золотая!

– Золотая?

– Неужто рыцарь будет медяшку носить?

– Знаешь, Микита, тевтонские немцы не просто рыцари, но еще и монахи. По уставу орденскому у них вообще никаких серег быть не должно!

Тут вернулся и Кольша, разговор на том и закончился – парни запрягли лошадей и, связав возы цугом, неспешно подались по лесной дороге к Чудскому озеру, оставив за собой поляну, полную свежих могильных крестов. В ольшанике радостно щебетали птицы, над желтыми одуванчиками на показавшемся впереди лугу порхали разноцветные бабочки, а в синем высоком небе сияло солнце.

Трехмачтовая палубная ладья «Святитель Петр» под синим с серебряными медведями новгородским флагом вышла из ревелльской гавани почти ровно в полдень и, повернув на восток, взяла курс к Нарве. Кормчий Амос Кульдеев, коренастый мужик с красным обветренным лицом и сивой бородкой, поглаживая нывший на погоду бок под темным бархатом длинного – по стокгольмской моде – кафтана, привычно перекладывал румпель и чувствовал, как под кормой ходит-поворачивается руль, устраиваемый на ладье на манер ганзейского когга. Никаких морских разбойников – хоть ладья и пустилась в путь одна – кормчий не боялся: во-первых – что тут и плыть-то? А кроме того, в сложившейся международной обстановке, когда Новая Русь властно выходила на Балтику, мало кто б сейчас осмелился напасть на новгородское судно: все договоры с могущественной Ганзой новые властелины Руси подтвердили, а недобитых тевтонцев – первый на Балтике флот! – Великий Всея Руси князь Георгий втихомолку поддерживал; так, на всякий случай – в противовес императору Сигизмунду и... против той же Ганзы – мало ли, обнаглеют купчишки?

Каких-либо многочисленных и хорошо организованных пиратских групп, типа не так давно разбитых теми же тевтонцами и Ганзой витальеров, нынче на Балтике не обреталось, однако всякая зубастая мелочь, конечно, шастала – на тех пираний имелись на «Святителе Петре» акулы зубы в виде дюжины секретных «новгородских бомбард», придуманных все тем же князем Георгием, и бьющих тяжелыми оперенными стрелами верст на шесть. Впрочем, бомбарды – это на спокойной воде только, а для всяких неожиданностей держал купчина Амос на своем корабле хорошую abordажную команду в лице бывших ушкуйников знаменитой хлыновской ватаги, некогда заставлявшей дрожать всю Орду, о царице которой – великой ханше Айгиль – ходили самые разные слухи один нелепее другого. Говорят, слухи те распускали враги-конкуренты ханши, в первую голову царевич Яндыз и все такие прочие. Вообще же, теперь не Русь Орде дань платила, а Орда – Руси: за спокойствие от хлыновцев, коих сам великий князь обещал ордынской царице унять – и унял-таки, часть ватажников взяв непосредственно под свое крыло в целях создания мощного флота, а часть – большую! – отправив на покорение Сибири.

Об ордынской правительнице нынче матросики и говорили, косясь на низкие и лесистые ливонские берега, тянувшиеся по правому борту. Особенно не унимался юнга, по-новгородски – «зук», ма-аленькая такая птичка, на которую как раз и походил юнга – светлоокий, рыжий и веснушчатый до такой степени, что даже не было видно щек. Все так парнишку и кли-

кали: Рыжий, а не Тимоша. Вот этот Рыжий-то всю команду на дальних переходах обычно и забавлял – за то, по большому-то счету, в юнги и взяли.

Нынче же что-то про Орду разговор зашел – судно исправно шло по ветру хорошо знакомым путем, палуба была надраена – больно смотреть, все работы по кораблю исполнены, что еще делать-то? Только лясы точить.

– Говорят, великая ханша Айгиль нраву злобного, а на вид – ну, сушая ведьма! Старая вся, морщинистая, глазки узенькие – татарка ведь, – лицо, как блин, а щеки такие, что...

– Ты на свои щеки посмотри, чудо брехливое! – не выдержав, расхохотался один из ушкуйников, десятник Фома, до того спокойно облакачивавшийся на увешанный красными щитами фальшборт и внимавший отроку вполне благосклонно.

Зук ничуть не обиделся – он вообще никогда ни на кого не обижался, не имел такой дурацкой привычки: ну, насмеются люди, так и что с того? И это еще с какой стороны посмотреть: можно ведь сказать – насмеются, а можно – просто смеются, веселятся, радуются.

Ушкуйник этот, Фома, сразу видно – злодей, разбойник из разбойников: в ухе серьга золотом горит-плавится, пальцы перстами унизаны, сабли рукоять – самоцветами, кафтан свейский, с узорчатым поясом, на ногах – высокие сапоги, а уж лицо... вот уж кто про щеки молчал бы! На свои посмотрел бы – бритые, будто немец какой! Но бритые, может, день назад, а то и все два, и ныне в темной щетине, будто стерня. Вообще, Фому на ладье сторонились, как и ушкуйников его, лиходеев... И зачем только Амос Кульдеевич таких на борт взял? Говорит: от разбойников... так вот они теперь на корабле и есть – разбойнички-ушкуйнички – а кто же?

– Я ж не сам по себе вру, дяденька, – улыбнувшись, учтиво сказал Тимоша. – Просто передаю то, что своими ушами на торговой стороне слышал от гостей сурожских.

– Врут твои гости сурожские, как сивые мерины! – Ушкуйник неожиданно потрепал отрока по плечу и уселся на скамью-банку рядом. – Ты не обижайся, зуек. Просто я царицу Айгиль видел – в походе ордынском с князем великим был.

– Ах, вон оно что!

Свободные от вахты матросы обступили ушкуйника широким кругом, даже шкипер Амос Кульдеев, кликнув сменщика, подошел – бывалого-то человека всегда интересно послушать.

– Расскажи, Фома, расскажи!

– Да не рассказчик я...

– Так, говоришь, у самого князя Егора служил?

– У воеводы Никиты по прозвищу Купи Веник.

– О! То человек знаменитый. Воин! Так что ханша?

– Никакая она не старая. – Улыбнувшись, ушкуйник мечтательно посмотрел в небо, на белых, кружащих над мачтами чаек. – Наоборот – молода даже очень. И красива – как солнце, не отвести взгляд. Худовата – да... как и наша княгинюшка, но красавица и, говорят, умна. К людям молодая ханша приветлива, за что народ ее и любит, но на расправу крута...

– Все они на расправу круты, – вставил кто-то, и кормчий тотчас погрозил охальнику кулаком – мол, ты тут смотри, паря, не очень-то власть критикуй, не то...

Так вот почти до самого вечера и проговорили, а вечером погода испортилась, как оно обычно на море Варяжском бывает. Ветер злой да колючий подул, погнал волну, натянул исходящие мелким дождем тучи, да так, что кормчий решил ночью в бухточке знакомой на якорь встать, отосидеться. Так-то, если бы погода позволила, можно было б и ночью идти – просто мористее взять, чтоб, не дай бог, не наскочить на песчаную отмель. Да Амос Кульдеев тут все мели знал! И все же непогодь решил переждать – оно спокойней как-то.

Встали на якорь в местечке приметном – напротив кривой сосны, да сплавали на лодке к берегу, набрали ключевой водички. Капал по палубе дождь, и спать все легли рано: кому

положено – в каморках на корме, кто – в подпалубье, остальные же разбили меж мачтами узкий шатер, в нем и улеглись вповалку.

Рыжий зук, уже засыпая, слышал, как кормчий наказывал жожаку ушкуйников:

– Ты уж смотри, Фома, в оба глаза. За кормой у нас – я приметил – постоянно чужие паруса белели, три корабля – не менее. И все, как мы шли, не отставая и вперед не гонясь.

– Ганзейцы?

– Может, они. А может, орденские. Нам не враги, но... в море-то всякое случиться может. Особенно – когда на всех одну бухту делить.

– Ничо, Амос Кульдеевич, – с усмешкой заверил Фома. – Ужо не провороним.

– Ты, ежели вдруг какой чужой корабль в бухту войдет, меня разбуди все ж.

Тимоша уснул рано, рано и проснулся – в щелке шатра светлело уже, нынче ночки короткие. Дождь, похоже, кончился – по палубным доскам капли не стучали, и небо – привстав, парнишка глянул в щелку одним глазком – от тучек очистилось и казалось белым, как творог, лишь на востоке, за соснами, алела заря.

Выбравшись на палубу, отрок поежился – брр! – промозгло было кругом, склизко, однако же организм властно требовал освободиться от лишнего, пришлось идти на нос судна.

Справив свои дела, полусонный зук поплелся обратно в шатер, досыпать, да чуть было не споткнулся обо что-то тяжелое. И что б это такое могло валяться на палубе? Вчера ведь только приборку делали. Пожав плечами, Тимоша опустил голову... и тут с него сразу слетел весь сон! Под ногами лежало тело знакомого матроса, вахтенного, и не просто так лежало – скажем, пьяным, – а со стрелой в боку!

– Господи! – перекрестившись, Тимоша открыл было рот – покричать, позвать кого-нибудь да, наконец, просто разбудить всех.

Однако не успел – какая-то жутко огромная фигура в мокром черном кафтане, отделившись от мачты, с размаху плеснула зуйку кулачищем в зубы, да так, что несчастный мальчишка полетел за борт и, подняв брызги, скрылся в набежавшей жемчужно-серой волне.

А на судне началась драка!

Часть вахтенных была убита еще поутру стрелками с подошедших в бухту судов – трех пузатых коггов с орлами и бело-красными флагами славного ганзейского города Любека! Ударили из арбалетов, затем тут же – тихо! – пошли на абордаж, правда, ушкуйники Фомы оказались наготове. Даже из пушки успели пальнуть – попав в один из коггов, однако вражин оказалось на удивление много, как и спущенных с чужих кораблей лодок.

На «Святителе Петре» утробно затрубил рог! Еще раз ударила бомбарда, на этот раз – мимо, лишь вспенив белыми брызгами море.

– Тесни их с кормы, парни! – размахивая саблей, командовал ушкуйник Фома. – Кто на Бога и Великий Новгород?

Завязалась рукопашная схватка, в коей ушкуйники вели себя более чем достойно и, несмотря на подавляющий численный перевес врагов, уложили немало пиратов. А перевес-то был изрядным, против тридцати пяти – пара сотен, точно.

И все же...

Схватившись с гигантом в черном кафтане, Фома хватанул того саблей, да пират вовремя успел подставить свою. Послышался звон, скрежет – враги давили друг друга клинками – кто кого? И тут-то, улучив момент, ушкуйник заехал разбойнику кулаком в скулу – все так, как обучал когда-то своих воинов сам князь Егор!

Ошарашенный противник замотал головой, и Фома с силой проткнул острием сабли его кольчугу. И сразу же рванулся на выручку к своим – битва-то уже кипела нешуточная. Рослые, как на подбор, враги орудовали топорами и палицами, а кое-кто – и свои, и чужие – прицельно били из арбалетов.

Все кругом орали, стонали раненные, и короткие арбалетные стрелы рвали людскую плоть. Палуба вмиг стала скользкой от крови, и проткнутый саблей Фома атлет, застонав, тяжело повалился на толстые доски. Кто-то, пробегая, споткнулся о его тело и, выругавшись по-немецки, попытался тут же вскочить... да замешкался, и просвистевший в воздухе боевой топор снес бедолаге голову.

Фома – уж так вышло – схватился сразу с тремя на узком пространстве носовой палубы, противники в тесноте мешали друг другу, и ушкуйник быстро вывел из строя крайних – одного достал клинком в шею, другой успел-таки отразить удар, да, потеряв равновесие, полетел в воду.

Оставшийся в живых воин – коренастый, в кольчуге и круглом шлеме, получив простор, начал довольно ловко орудовать коротким копьем, так что едва не насадил на него Фому, словно жука или таракана. Менее опытный воин, наверное, обрадовался бы, оказавшись с одним врагом вместо трех, однако ватажник, наоборот, собрался и действовал с той непостижимой четкой грацией, что приобретает лишь годами кровавых сражений.

Ударил – и тут же отскочил, приготовился отразить выпад врага... А тот не сделал выпад! Видать, тоже опытный. Выжидает.

– Красота! – картинно опираясь на мачту, прокомментировал действия ушкуйника высокий человек с рыжеватой бородкой.

С непокрытой головой, окруженный вооруженными мечами соратниками в серых, тускло блестящих кирасах, он держал в руках небольшой арбалет, уже снаряженный, но стрелять почему-то не торопился – просто смотрел, и золотая серьга в левом ухе его то и дело вспыхивала в лучах пробивавшегося из-за низких утренних облаков солнца.

– Нам убить его, мастер? – обернулся один из воинов.

Рыжебородый раздраженно повел плечом:

– Нет! Пусть закончат. Все-таки интересно – кто победит? Ставлю пять гульденов на русского.

В этот момент Фома наконец достал своего противника, ухватив его левой рукой за копье, правой же нанес сокрушительный удар. Сабля ушкуйника окрасилась кровью, а поверженный враг, бессильно выпустив копье, кувыркком полетел в море.

– Вот теперь – пора!

Подняв арбалет, рыжебородый пустил стрелу, и она угодила Фоме между лопаток.

И что с того, что кольчуга? Какая ж кольчуга удержит арбалетный болт? Да на таком расстоянии – и не всякие латы даже.

– Жаль. – Подойдя ближе, немец с золотой серьгой поставил ногу на грудь только что убитого им ватажника. – Хороший ты был воин, русский... в иных обстоятельствах я б с удовольствием взял тебя к себе... но, увы, не сейчас. Приказы не обсуждают.

– Господин! – Кто-то из воинов подошел сзади.

Рыжебородый резко обернулся, лицо его, до этого вполне приятное и вовсе не злое, вдруг сделалось жестким, тонкие губы скривились:

– Что такое, Гельмут? Вы до сих пор не захватили корабль?

– Захватили, герр Вандер...

– Не называй меня по имени!!! – злобно ощерился предводитель пиратов. – Забыл договор?

Воин с явным страхом попятился:

– Помню, мой господин... А корабль уже наш – я об этом и хотел сказать.

– Ну, конечно, наш. – Рыжебородый расхохотался. – Кто б сомневался? Что купец, предлагал денег на выкуп?

– Первым делом и предложил, господин.

– А вы?

– Сразу его и убили. Как вы приказали, герр...

– Хорошо! – Глянув на поднявшееся солнце, предводитель пиратов потер руки. – Теперь добейте чужих раненых. И убираемся отсюда к черту!

– А судно? – осмелился спросить воин. – Просто хочу уточнить, кого вы оставите на корабле – новым экипажем?

Вновь раздался хохот:

– Только мертвых, мой доблестный Гельмут! Да-да, ты не ослышался – мертвецов. А корабль мы сожжем... чтобы они сразу попали на небо... Или – в ад, – подумав, добавил рыжебородый.

Рыжий зук Тимоша не утонул, выплыл, смог добраться до берега... где ожидала засада! С полдюжины лучников в коротких немецких куртках с откинутыми зелеными капюшонами высматривали людей, покидавших обреченное судно и пытавшихся спастись вплавь. Стрелы разили метко! И луки были, на взгляд зуйка, весьма странные – слишком уж большие, в человеческий рост, Тимоша раньше никогда подобных не видел. Странные люди. И странные – бело-зеленые – куртки. И странная речь – не немецкая, рыжий смог расслышать несколько фраз, совершенно непонятных – говорили, словно сопли жевали.

Юнге удалось выбраться на берег за кустами, когда стрелки отвлеклись на плывущих со «Святителя Петра» людей. Там, в кустах, мальчишка и затаился, моля про себя всех святых. И видел, как лучники, добив последних пловцов, с хохотом уселись в большую лодку и погребли к ганзейским судам.

Вражеские корабли отошли, вздернув на мачты разноцветные паруса, а новгородскую ладью окутало яростное оранжевое пламя. Запылал такелаж, вспыхнули мачты, кто-то – иль показалось? – все ж оставался в живых, добрался до борта, прыгнул...

Тимоша протер глаза – нет, не показалось. Прыгнул! Ну, хоть еще кто-то.

– Плыви, плыви, друг! Плыви!

Скинув намокшую рубаху – сапоги и кафтан утонули раньше, – зук храбро бросился в воду.

– Держись, держись, паря!

– Тимошка... Зук...

– Давай – за меня! Не бойся, не утонем – я хорошо плаваю.

Просторная гавань славного ганзейского города Любека была полна судов. Одномачтовые пузатые когги с зубчатыми надстройками на корме и носу, длинные узкие шебеки с косыми латинскими парусами, рыбацкие шнявы, быстрые трехмачтовые хульки, основательные каракки с крутыми бортами, новгородские палубные ладьи – двух, трех– и даже четырехмачтовые – каких только здесь не было судов!

Они все были хорошо видны с террасы портовой таверны под названием «У дуба». Когда-то здесь, рядом, и в самом деле рос дуб, ныне давно спиленный – иначе как было замостить набережную? Замостили, решением бургомистра и городского совета, пять десятков лет назад – Любек тогда выкупил у императора права вольного имперского города, вот и расстарались на радостях. И собор тогда достроили, и отремонтировали ратушу, да много чего сделали.

Сложенные из серых камней стены таверны были увиты зеленым плющом. Весной и летом на улицу вытаскивали столы и скамейки – три длинных стола и четыре маленьких, привилегия, строго контролировавшаяся ратманами. Не дай бог больше столов поставишь – не обрадуешься, городские законы хоть и не очень строги, да зато обязательны к исполнению всеми, будь ты хоть сам бургомистр, или богатый купец – нобиль, или вечный подмастерье из тех, что всегда в нищете и грязи. Законы для всех писаны!

– Может, по кружечке? – Проходивший мимо таверны молодой парень с простоватым крестьянским лицом и увесистыми кулаками облизнулся и грустно вздохнул: – Эх, день-то какой. Солнышко!

Его спутник – человек куда более опытный, лет хорошо за тридцать – поправил черный бархатный берет, самый простой, безо всяких украшений, однако вполне добротный, хоть малость уже и поношенный:

– Пива, говоришь?

Парень улыбнулся, тряхнув копной светлых волос:

– А что, дядюшка Гюнтер? Праздник ведь сегодня, день святой Урсулы – забыл?

– Не столь уж она и почитаемая святая, – пробурчал напарник, резко остановился у распахнутой двери и потянул носом. – А пиво-то, Михаэль, свежее!

– Так я же и говорю! Как раз и наварили – к празднику.

Дядюшка Гюнтер почесал в затылке, подумал... и азартно сверкнул маленькими глубоко запрятанными глазками:

– А ладно, чего уж! И в самом деле – что, в праздник без пива? Смотри, главное – русского не упустить.

– Не упустим, дядюшка Гюнтер! – Обрадованно сев за столик, Михаэль рукой подозвал слугу: – По паре кружечек нам... для начала... пока.

– Хватит и пары! – Гюнтер резко пристукнул ладонью по столу. – Упустим – не носить нам с тобой головы. Как перед ратманом оправдаемся?

– Да не упустим, говорю ж. Сам же знаешь: русский в эту пору всегда в гавань приходит. Как раз мимо таверны и пройдет.

– Да знаю... А вдруг в этот раз не пойдет? Всякое бывает. Я на этой службе пятнадцать лет уже, а ты, Михаэль, всего-то три года. Вот сейчас по две кружечки выпьем да на постоянный двор пойдем, к русскому.

– Что, прямо к нему?!

– Ну ты и дурень! Конечно же, так, издалека, посмотрим. Ну, как всегда.

Сдвинув на затылок круглую кожаную шапку, Михаэль сдул с кружки пену и, с наслаждением прикрыв глаза, сделал длинный глоток:

– Ох и пиво же тут нынче! Нектар.

– Бросай кружку – идем! – неожиданно встрепенувшись, словно старый сторожевой пес, дядюшка Гюнтер вскочил на ноги. – Вон он!

– Угу, сейчас... Расплачусь только.

Давясь, Михаэль в два глотка допил пиво, кинул подбежавшему слуге деньги и бросился догонять напарника, шедшего за высоким парнем с длинными темно-русыми волосами. Русский! Он!

– Ну, вот. А ты говорил – упустим.

Русский был одет не особенно богато, но вполне изысканно и со вкусом, как и полагается добропорядочному молодому бюргеру средней руки: темные штаны-чулки, называемые модниками на французский манер – «шоссы», короткий камзол из синего бархата, шитый бисером по воротнику, легкий светло-голубой летний плащ из бумазеи и такого же цвета шапочка с небольшим белым пером. На ногах – желтые скрипучие башмаки из свиной кожи. Обычный молодой человек, не из «золотой молодежи», но не бедный и за собой следящий.

– Все понять не могу, – болтал по пути Михаэль, – вот этот русский – такой молодой и уже... уже с поручениями!

– Мы с тобой тоже – с поручениями. – Дядюшка Гюнтер ухмыльнулся и прибавил шаг.

– А я вот так думаю, – не отставал говорливый напарник, – если мы все про него знаем, так почему б не схватить да не попытать?

– Э, дурная твоя голова! Схватить! Это уж только в самом крайнем случае.

– Да почему ж?!

– Да потому что этого мы уже знаем, – терпеливо пояснил дядюшка Гюнтер. – Он, кстати, тоже знает, что мы знаем, потому как не дурак – дураков на такие дела не ставят. Слышал песенку? «Если ставишь ты на дело девять дураков, будешь ты десятым смело – ты и сам таков». Так что не дурак, нет... И нас с тобой наверняка уже в лицо знает – мы ведь давненько за ним приглядываем.

– И какой же тогда толк?

– А такой, что всякий человек слаб и рано или поздно какую-нибудь ошибку все равно сделает – и тут уж мы с тобой, Михаэль, должны быть начеку. А уж ежели что упустим...

– Так я ж и говорю – схватить!

Гюнтер помотал головой:

– Вот дурень! Говорю ему, говорю... Да! Еще одно: там, в Новгороде, на немецком дворе тоже наши люди имеются – о которых кому надо знают. И, ежели мы тут кого прижмем, они там – наших. Все по-честному и вполне справедливо, а потому, как говорит наш ратман герр Енеке, делай свое дело спокойно и службой – гордись! На тайной страже весь порядок и держится.

– Да я б гордился. – Не спуская глаз с русского, Михаэль шмыгнул носом. – Жалованье бы только побольше, а то что это – сорок гульденов в год!

– Не всякий ганзейский приказчик столько имеет! – строго прикрикнул напарник. – А чтобы больше вышло – так послужи с мое.

С минуту оба агента шагали молча, потом остановились за углом, дожидаясь, пока преследуемый посетит книжную лавку. Хозяин лавки был давно прикормлен, так что на этот счет соглядатаи особо не волновались: ежели что, будет на кого списать промах – на лавочника!

Старый агент Гюнтер довольно щурил глаза от солнца, а его молодой напарник искоса поглядывал на женщин – молодых привлекательных дам и сопровождающих их не менее привлекательных служанок с большими плетеными корзинами – видать, на рынок отправились. Тоже не такое простое дело, недаром в той же книжной лавке специальное наставление продается – как, когда, где и что правильно купить.

– Эх, хорошо, – протянул Гюнтер. – А ты, Михаэль, послужи, послужи...

– А правда, дядюшка, что скоро стажевые отменяют?

Старый агент едва не закашлялся:

– Что-о?! Это где ж ты такую ересь слышал?

– Да так... болтали...

– А ты и уши развесил, дурак! – сердито засопел дядюшка Гюнтер. – Кто ж тогда работать-то будет? Такие молодые ослы, как ты? А учить-то вас кому? Так что не-ет, шалишь, на стажевые никто покушаться не будет... разве уж только полные дурни, задумавшие все дело развалить – вражины! О! Смотри, смотри: выходит. Пойдем и мы.

Соглядатаи вновь поплелись за своим объектом, который вел себя прилично: парик не надевал, бороду не клеил, в женское платье не переодевался, даже не пытался ускользнуть проулками. Одно удовольствие за таким ходить!

– Прежний-то похуже этого был, – на ходу учил молодого дядюшка Гюнтер. – Как только ни чудил – и бегал, и скрывался, как-то раз даже нанял какое-то отребье с дубинами... ну, мы сразу же стражу вызвали... Бедные были те дубинщики! А потом и сами... без начальства – послали людишек, да те и встретили нашего черта на узенькой улочке, переломали ребра. А ты не бегай! Не своеволь!

– Может, и этому стоит переломать?

– Не, этот себя прилично ведет. И ходит почти всегда по одним и тем же местам. Вот сейчас куда идет?

– Гуляет просто... Ай, нет – в контору ганзейскую... Слушай, дядюшка! А что же он новгородское подворье для своих дел не использует?

Гюнтер расхохотался:

– Там же полным-полно наших людей! Каждое слово ратманам известно будет... не-ет, этот русский далеко не дурак. Вот, сейчас зайдет в контору, поболтает с моряками... а нам бы неплохо послушать, у приказчиков-то и своих дел полно, чтобы они еще к болтовне разной прислушивались. Могут и не дослышать, не сообщить.

– Это – да-а!

– У каждого свое дело. – Старый агент задумался и хлопнул напарника по плечу: – Слушай, Михаэль, давай-ка, обгони да прибеги в контору первым. Ежели там ставни да окна закрыты – так сделай так, чтобы распахнули. Усек?

– Усек. Дело нехитрое.

Молодой соглядатай быстро пошел вперед и, обогнав прогуливающегося по набережной русского, скрылся за углом – там был прямой путь к ганзейской конторе.

Ставни ее к моменту прихода русского были уже открыты. Вот под окошком-то и устроился многоопытный дядюшка Гюнтер, прислушиваясь к каждому доносящемуся слову. У другого окна слушал его молодой коллега.

Русский пробыл в конторе недолго, вышел еще до полудня и все так же, не торопясь, направился в гавань.

– Интересовался судами, отправляющимися в Нарву, – поспешно доложил Михаэль.

Гюнтер задумчиво кивнул:

– Я тоже слышал. Что ж, пошли в порт.

Из всех, отходящих в Нарву – и далее – в Новгород, кораблей, русского интересовали исключительно двух– и трехмачтовые суда, большие и надежные, каковых, если отбросить традиционно одномачтовые коggi, оказалось четыре: трехмачтовая каракка «Святая Инесса», два нефа – «Золотая Дева» и «Бургундия», плюс новомодный двухмачтовый когг «Сигизмунд», недавно сошедший с гамбургской верфи.

По словам матросов, «приятный молодой человек» расспрашивал именно о надежности и мореходности судов, а также об их охране, никаких особых поручений не выказывая – кому-либо что-либо в Новгороде передать вовсе не просил.

– Зачем тогда приходил? – недоумевал Михаэль.

– А помнишь, в прошлый раз мы на «Бургундии» грамотку перехватили?

– Да-а... – Молодой агент довольно прикрыл глаза и чуть было не споткнулся. – Обещанную награду нам, кстати, так и не выплатили! А сколько уже времени прошло? Безобразие!

– Согласен, – отрывисто кивнул дядюшка Гюнтер. – В удобный момент напомним об этом герру Енеке.

– Х-хе! Давно пора напомнить, давно.

Войдя на постоялый двор, молодой человек в светло-голубом плаще с улыбкой кивнул хозяйке:

– Доброго здравия, любезнейшая госпожа Магдалена.

– И вас храни господь, герр Теодор. Не жарковато в плащике-то?

– Да нет, знаете ли, ветрено нынче.

– Вам обед, как всегда, в апартаменты подать?

– Да уж, сделайте такую милость, любезнейшая госпожа.

Герр Теодор еще раз улыбнулся хозяйке – пышнотелой, лет тридцати пяти даме с выбивавшимися из-под апельсинового цвета чепца медно-рыжими кудряшками – и, провожаемый загадочно-томным взглядом (хозяйка явно благоволила своему молодому постояльцу), под-

нялся на второй этаж, где снимал небольшую – зато с отдельным входом – комнату, пышно именуемую «апартаментами» и соответствующим образом стоившую. Что ж, за удобства нужно было платить – а деньги, слава богу, имелись.

Войдя в комнату, молодой человек уселся за стол и, пододвинув к себе стоявший на нем массивный ларец, открыл крышку. Губы юноши тронула легкая и немного презрительная усмешка: вот эта жемчужная пуговица лежала вовсе не так близко к стенке, а эта вот лента – совсем не той стороной... А в общем-то, нынче покопались аккуратно, почти и не заметно. Интересно, как в вещах?

Герр Теодор поднял крышку стоявшего у окна сундука... потом подумал и, открыв окно, распахнул пошире ставни... заметив, как поспешно отвернулась маячившая на углу парочка.

– Мои маленькие добрые друзья, – улыбнулся молодой человек. – Гюнтер и Михаэль, вы снова со мной. Ну, а как же? Думаю, на этот раз ратману Енеке уж придется поломать свою седую голову.

Герр Теодор прислушался, положив руку на подоконник, – на улице весело щебетали птицы. Да что б им не щебетать? Весна. Лето скоро.

Глава II

Серенада

Афанасия схватили прямо на улице, едва только он вышел с подворья. Просто взяли под руки, швырнули в возок, повезли... помчались. Интересно, кто такие? И куда?

Ехали, впрочем, недолго, отрок не успел и бока отбить, как распахнулась рогожка, и звєроватого вида мужик в сером немецком кафтане нетерпеливо махнул рукой – вылезай, мол.

Выбравшегося на просторный двор – неужто княжеский?! – парня повели в хоромы, в высокую каменную башню, выстроенную не так давно, но уже снискавшую себе в Новгороде дурную славу.

«Пытать будут», – оказавшись в большом, освещенном факелами подвале, расстроенно подумал Афоня, краем глаза опасливо посматривая на дыбу и блестящие палаческие инструменты, аккуратно разложенные на длинном, покрытом окровавленной рогожкой столе. В глубине подвала жарко пылал камин, сильно пахло нагретым металлом... видать, калили... чтоб сподручней пытать.

Да за что же?!

Сглотнув слюну, отрок дернулся было, но тут же почувствовал на своем плече сильную стальную руку:

– Охолонь!

Юноша оглянулся – палач! Ну, точно – палач. Голый по пояс, потный, с перекатывающимися под смуглой кожей мускулами, такой и щелкнет – убьет! Пегая растрепанная борода, на волосах – тоненький ремешок... Отвратительная, мерзкая рожа!

Зачем-то подмигнув парню, палач прищелкнул пальцами, и его помощники – тоже те еще гады! – проворно сорвав с жертвы рубаху, подвесили бедолагу на дыбу... потянули... захрустели выворачиваемые суставы, отрок дернулся, закричал:

– Ай!

– Цыть! – снимая висевший на стене кнут, кат обернулся, прикрикнул: – Не торопитесь, парни! Спешка, она в любом деле вредна, а особенно – в нашем.

– Всегда знала, что ты немного философ, Мефодий! – вдруг прозвучал в подвале дивный женский голос, певучий и властный. – А ну, подойди.

Кат тотчас бросил кнут, а висевший на дыбе Афоня приподнял голову, силясь увидеть ту, что имела здесь такую власть. Не увидел – лишь заметил, как шевельнулась бархатная портьера, делившая пыточную на две части. Портьеру эту отрок до того как-то не замечал, все больше на инструменты косился – страшно!

– Да, моя госпожа? – заглянув за портьеру, палач упал на левое колено.

– Не в полную силу, – шепотом приказала женщина. – Не жги! Так, попугай только... а потом поглядим.

Увы, Афанасий шепота этого не расслышал, а потому приготовился к худшему и, как только кат замахнулся кнутом, закусил губу...

Ожгло! Больно, да... но не так уж, чтоб совсем нетерпимо... Но это, вестимо, только начало... Такой оглоедище, ежели захочет, враз хребет перешибет, с одного удара!

– Не бейте меня, Христом Богом прошу, – взмолился несчастный отрок. – Я вам все, что надо, скажу... и все для вас сделаю.

– Что ж, поговорим, – снова послышался все тот же голос. – Мефодий, оставь нас... и людей своих заberi... как понадобятся – кликну.

Палач с подручным исчезли, ровно их тут никогда и не было. Зашуршала штора, и запахло чем-то таким приятным... Так, верно, пахнет в раю.

– Ну, поведай, что хотел.

Афоня глазам своим не поверил, увидев перед собой ослепительно красивую молодую женщину, девушку, с виду лет двадцати. Златовласая, и волосы вовсе не прятала: светлые, словно бы напоенные летним солнцем и медом, локоны так и струились волнами по плечам, стянутые лишь узким серебряными обручем. Длинное темно-голубое платье в талию, какие принято носить в немецких землях, красные шелковые вставки, серебряный пояс. ... и лицо! Красивее, пожалуй, и не бывает! Губки розовые, пухлые... васильковые очи из-под длиннющих ресниц смотрят строго, а на щечках играют ямочки. Нет, то не дева – ангел!

– Ишь, смотрит... – усмехнулась дева. – Ты что же, парень, княгиню свою никогда не видал?

– Как же не видал, – Афанасий хлопнул ресницами. – Целых два раза. Правда, издали – народищу-то вокруг толпилось.

– Поня-атно...

Хохотнув, красавица подошла к столу со страшными инструментами и вдруг, присмотревшись, вытащила какой-то свиток да тут же вслух и прочла:

– Како пичуги трепещут, а рыбы сверещут, тако и ясно всем – весна... Мефодий!

– Иду, госпожа!

– Да не иди пока. Там стой... – Дева неожиданно заулыбалась так весело, что и Афоне стало как-то светлее.

– Рыбы, Мефодий, между прочим, не «сверещут»... Да и вообще – я такого слова не знаю. Сам, что ли, выдумал?

– Выдумал, госпожа. Для рифмы.

– Ну-у... поэт ты изрядный, однако ж и размер строфы соблюдать следует... Ох, чувствую, уделает тебя Яков Щитник, он, говорят, уже поэму целую наверстал, по типу «Илиады».

– Яков Щитник, госпожа моя, на «Илиаду» точно не способен. Не Гомер – куда уж!

– Значит, уделает его?

– У меня, чай, тоже поэма приготовлена. Называется – «О красной полонянице-деве и о возлюбленном ее вьюноше Елисее».

– Вот как? Про любовь, значит... Смотри, я на тебя сто флоринов поставила... и двух сенных девок.

– Не подведу, госпожа моя.

– Ладно, скройся... Ну, так как тут у нас?

Прислушивавшийся к не вполне понятной ему беседе отрок не сразу и сообразил, что красавица именно к нему обращается. Дернув головой, заморгал:

– А? Что?

– Ну, поведай. – Усевшись рядом, на лавку, дева махнула рукой. – Что ты там хотел рассказать-то?

– Э... о чем, госпожа?

– О том, о чем уже говорил князю! Только на этот раз – правду, иначе пожалеешь, что и на свет белый родился!

А вот сейчас она на ангела вовсе не походила... нет, ангельски красивая – да... но такая, что, при нужде, прибьет, не задумываясь. Даже наверняка сама и пытать сможет. Запросто! Вон как глазищами зыркнула...

– Ну?!!

– Так я уже говорил, вот... – торопливо начал Афоня.

– Правду!!!

– Так я... госпожа... правду и говорил, зачем мне врать-то? Только...

– Что – только? – жестко переспросила красавица.

– Но то... мои думы только... мысли.

– Давай! Излагай мысли.

Отрок покусал губы:

– Я вот что подумал еще там... тогда. Гербы-то были тевтонские, да... иначе говорили рыцари промеж собой непонятно, не так, как тевтонцы... И еще! Серьга у одного в ухе была, а ведь устав орденский всякие украшения строго-настрого запрещает.

– Плевали они на устав, – презрительно отмахнулась дева. – А вот иная речь – это уже серьезно. Как говорили? Как аглицкие немцы? Французы?

– Как немцы германские... многие слова понимал, но не все.

Красавица вскинула брови:

– Так ты, значит, немецкую ведаешь.

– А как же, госпожа моя? Я ж приказчик.

– Хорошо. – Дева вдруг поднесла унизанные кольцами пальцы к губам... словно хотела погрызть ногти, да одумалась, спохватилась – не к лицу. – Надеюсь, ты все же правду сказал.

– Клянусь святой Софией! Чтоб мне...

– Чего ж князю про то не поведал?

– Так то лишь догадки мои... Как можно?

Девушка замолчала, задумалась, машинально перебирая палаческие инструменты. И так они звякали, так действовали парню на нервы, что тот не выдержал, осмелился подать голос:

– Госпожа... а что со мною теперь?

– Домой пойдешь, на черта ты мне сдался. Но язык за зубами держи, не то живо отрежем...

Очутившись на улице и вдохнув полной грудью теплый летний воздух, Афанасий не поверил своему счастью. Как же все-таки хорошо это все видеть, ощущать – и ласковое дуновение ветерка, и синее высокое небо, и блеск отражающегося в седом Волхове солнышка. Ах, господи-и-и... Неужели вырвался?

– Эй, парень, а ну-ка давай обратно. Что стоишь? Ты, ты!

Перст воинского человека – слуги – уткнулся отроку в грудь.

И не убежишь – поймают! Вон, до ворот-то – далеко, хоть и распахнуты настежь. А хоромы – да – княжеские! И что с того теперь?

Поникнув головой, Афанасий поплелся к башне... снова оказавшись в мрачной темноте пыточной. Злая красавица все так же сидела на лавке... вот обернулась:

– А ты... Вот тебе, за все твои страдания.

На узкой девичьей ладони золотом вспыхнули флорины... или гульдены, парню сейчас не до того было, чтоб приглядываться, разбираться.

– Ну, бери, бери же.

– На колени падай, дурак, – подтолкнув, зашептал позади кат. – Благодарю княгинюшку...

Так вот она кто! Пресветлая великая княгиня Елена!

– Только матушкой ее не называй – не любит.

Отрок бухнулся на колени, тут же забыв все указания:

– Благодарю за добро, княгиня-матушка!

– Хм, «матушка», – скривившись, совсем как простая девчонка, передразнила княгиня. – Вот же черт худой! Да я ненамного тебя и старше! Ладно... с этим все. Ступай, парень!

– Благодарю, ма... пресветлая княгиня!

– Ступай, ступай... Мефодий! Рыжего сюда давай. Поглядим, что там были за кораблики. Да! Нянькам скажи, пушай Мишеньку на улицу выпустят – погодка-то, эвон!

Княгиня очень любила маленького своего сынишку. Конечно, не так, как мужа, великого князя Егора, – к маленьким детям и в те времена (да и в более поздние) не принято было

слишком привязываться – детишки мерли словно мухи, особенно во младенчестве. Из десятка родившихся выживали, дай бог, трое-четверо, вот и у Елены с Егором второй ребенок во младенчестве умер. И после этого князь вдруг озаботился устройством в Новгороде и других русских городах канализации и водяных уборных по типу того, что было в древности в Риме или в той же Орде, ныне вассальной. Ах, Орда... Вспомнив позорное рабство, бывшая ордынская пленница княгиня Елена не удержалась, заскрипела зубами да ноготь погрызла в волнении – снова ведь мысль пришла, та самая, что уж не раз приходила. Снова подумалось: а что, если б не случился тогда в Орде князь Егор? Даже не князь еще, а атаман разбойной ватаги, князем это уж потом Елена его сделала, за что собой по сию пору гордилась! А как же? И с Москвой справились, и с Ордой, все русские земли себе подчинили, прихватили и Польшу, и Литву, и Константинополь. Почти полмира! И все эти успехи – юная княгиня это точно знала – достигнуты во многом благодаря ей! Благодаря ее уму, сметливости, хватке... ну, и красоте, конечно. Была б уродкой – полюбил бы ее Егор? Даже если б и взглянул, так и то – с жалостью. Ах, Орда, Орда... Еленка оказалась там еще совсем юной, преданная и проданная родным дядькой, захватившим заозерский трон, на который именно она, Елена, имела все права.... И права эти так бы и остались погранными, кабы не Егор... да не сообразившая что к чему Елена. Ну, что светило в Орде знатной пленнице? Ничего хорошего. Даже если и выкупят, так дорога одна – в монастырь. Уж что делают в Орде с пленницами, было известно каждому, какая тут потом чистота крови? А Егор на то не посмотрел, замуж позвал... то есть это Еленка ему намекнула, что, мол, неплохо бы... И ватага у любимого имела верная, так что любой князек – попробуй, вякни! За жену – муж в полном ответе, а связываться с Егором желающих находилось мало. Сначала – атаман, потом – благодаря Елене – князь заозерский, а ныне – уже и великий, всея Руси! Хорошо, удалось змеищу московскую – Софью Витовтовну – в монастырь заточить. Еленка, конечно б, ее и прибила не моргнув глазом, да муж не дал... добрый и благородный человек.

Юная княгиня любила мужа, но понимала, что совсем его не боится – а это... это какая-то странная любовь: будоражащая, нежная, сладостная... Это ведь совсем новые ощущения, когда знаешь, что муж тебя никогда не ударит, не приласкает по голой спине кнутом, не оскорбит даже! Оттого сперва как-то не по себе было, но потом... Сейчас кажется – иного и не надобно! Никогда! Несмотря на юность, Елена многому научилась в Орде – научили! – знала, как ублажить мужчин, но мужа поначалу стеснялась... недолго. Он все воспринял так, как она и хотела... даже обрадовался. Добрый, поистине святой человек... немножко не от мира сего. Как-то Егор рассказывал всякие забавные небылицы про волшебное княжество, где якобы когда-то жил, а в Заозерье, мол, очутился благодаря какой-то колдунье... и с помощью колдуний же хотел вернуться обратно, да не вышло. Еленка, конечно, всем этим глупостям не поверила, однако колдуний да волшбиц на всякий случай извела, почище римской святой инквизиции. А чтоб муженька не смущали, прелестницы!

– Государыня! – заглянула в подвал сенная девка – статная, рослая, черноокая, к Мефодию-кату неровно дышащая. – Государыня! Князь великий зовет по важному делу.

Сказав так, девица низенько поклонилась, бросив на мускулистого палача полный девичьего томления взгляд.

– Зовет? – Княгиня поднялась. – Ну, пойду... раз по важному. Мефодий, рыжего отпущай тоже – все, что нужно, узнала и так.

– Слушаюсь, моя госпожа.

Поклонился и кат, а Елена быстро вышла во двор и, поднявшись по каменным ступенькам крыльца, вошла в горницу.

Великий князь Георгий (для Еленки – Егор) – статный, с густыми светло-русыми локонами, небольшими усиками и бородкой, настоящий красавец – находился в горнице не один, а с

архиепископом Симеоном, коего юная княгинюшка давно уже приручила, превратив в верного своего соратника. Симеон был умный, глупых людей Еленка терпеть не могла, хоть и использовала без всякой жалости.

– Вот и краса наша, солнышко! – Поднявшись с лавки, князь одернул длинный кафтан из темно-голубого шелка, какой носили только особы королевской крови, и, приобняв жену за талию, поцеловал ее в щеку, ничуть не стесняясь проявлять свои чувства даже и при архиепископе. За это, кстати, Елена его еще больше любила!

– Здрав будь, муж мой, – улыбнулась княгиня. – Почитай, с тобой спозаранку не виделись. А с вами, святой отче, со вчерашнего дня. Случилось что?

Елена, как и дражайший супруг ее, давно уже научилась не тратить зря время на разные условности, о деле говорила сразу, того же и от других требовала.

– Случилось. – Отец Симеон как-то нервно потрогал бороду. – Случилось. С Любека, от Феодора нашего, вестей нынче нет. А корабли в Нарву пришли – среди них четыре со многими мачтами. Договаривались ведь, чтоб с ними – и весть. Вот я и пришел – порассудить, покумекать.

По давней новгородской традиции, архиепископ, кроме духовных дел, еще и окормлял внешнюю политику, теперь уже не только новгородскую. Сделав Новгород своей северной столицей, князь Егор вовсе не рушил традиции, так что отец Симеон ведал и всеми шпионами, и тайными делами.

А Елена ему во всем помогала – в охотку! Вот и связь через многомачтовые суда – пока еще на Балтике редкие – она предложила, мол, так легче все проследить. И Федор, и многие другие соглашались – не только в Любеке, а и в прочих ганзейских городах – с каждым купеческим караваном восточку присылали. А ныне, что ж – ничего?

Егор пожал плечами:

– Вестей, что ль, у Федьки нету? Я ж, кажется, просил узнать...

– Послушайте, – вдруг всплеснула руками княгиня. – Давайте-ка все с самого начала начнем. Со вчерашних дел – я тут некоторых людишек, не в обиду сказано, по-новому допросила.

– Поди, в пыточной? – прищурился князь Егор.

Елена отвечала вежливо, с достоинством, как и полагается великой княгине:

– Ты, Егор, дурой-то меня не считай, ага! Я что, не понимаю? Ежели мне начать ноздри рвать или спину плетью жечь, так я что угодно наговорю от боли да страха. Кнуту веры нет! Однако и пыточную можно использовать... когда у человека надежда остается. Тогда и пытать не надобно, достаточно кое-что показать...

– Ну, ладно, ладно, – тряхнув головой, примирительно промолвил князь. – Так что ты там напытала?

Фыркнув, Елена не выдержала, расхохоталась – знала, мужу нравится, когда она смеется. А посмеявшись, продолжила с полной серьезностью:

– В ливонском лесу – не тевтонцы, и в море – не ганзейцы. Лучники, зеленые с белым, откуда? Я вам скажу – из Уэльса, из Англии, и, покуда английский король с французским замирится, лучники те подались в разные земли. И многих Жигимонт-император нанял!

– Император... – негромко повторил отец Симеон. – А поди докажи! Нам вредить – зачем это ему?

Егор прищурился:

– В открытую нет, а вот с Ганзой, с тевтонцами поспорить. На них ведь прямо показывали... и дали некоторым уйти. Мягко говоря – не самым опытным и умным.

– Тевтонцы не будут воду мутить, точно, – убежденно заявила Елена. – Кто Генриха Плауэна, магистра, из узилища вызволил, куда его свои же рыцари и засадили? На чьи деньги? Магистр добро помнит... больше того, знает, что ссориться ему с нами не с руки – вмиг раздавим! Или снова в темницу засунем – врагов у него множество, только свистни.

– Пока мы тут с вами гадаем – всюду наших людей бьют! – Князь покусал губу. – И вестей ни от кого нету. Что ж Федька-то? Может, и не жив уж боле?

– Погоди, погоди... – Княгиня задумчиво нахмурила брови. – Федька ведь всегда весточки посылал, даже когда не особо что и было. Просто чтоб знали мы... Что, совсем ничего никому не передал?

– Хотел, – пригладил бороду владыко. – Наши люди в Нарве матросиков опросили... так, потихонечку... Подходил к ним в Любеке व्यюнош, обликом на нашего Федю похожий...

Елена нетерпеливо подалась к нему:

– Ну, ну?!

– Ничего не просил передать, просто разговаривал. Сказал, что есть у него в Нарве приятели, которым он и хотел передать гостинец, а да пока не будет, мол, нет нужды.

– Нет нужды? – повторила княгиня. – Что, так и сказал?

– Именно так, – отец Симеон развел руками.

– Так-та-ак, – задумчиво протянув, князь вдруг встрепенулся, словно проигрывавший в покер игрок, которому вдруг пошла карта. – Раз нет нужды... то это все лежит на поверхности. Отче, что там были за корабли?

– Вот список, – архиепископ достал из-за пояса грамоту.

– «Золотая Дева», – развернув свиток, вслух прочитал Егор, – «Святая Инесса», «Бургундия»... «Сигизмунд»!!!

– Сигизмунд? – ахнули все.

Князь грозно прищурился:

– Молодец, Федор! Вот уж поистине – точнее не доложишь. Сигизмунд – он Жигимонт по-нашему. Сигизмунд Люксембург – нынче король германский, брата своего старшего, Вацлава чешского, обошел. К императорской короне рвется – вот-вот получит!

Отец Симеон усмехнулся при этих словах:

– Он еще и королевской-то короной не коронован!

– Тем более!

– А говорят, императорскую уже получил. Токмо не все князья за него молвили.

– Егор прав, – поддержала мужа Елена. – И не потому, что он супруг мой и князь великий. Просто прав – и все. Сигизмунд Люксембургский – честолюбец молодой, и нет такой авантюры, в которую б он сейчас не пустился, дабы гордость свою показать и силу. Чтоб все фюрсты немецкие поняли... Ах, милый! – Встав, княгиня подошла к Егору и обняла его за шею. – Вот бы тебе фюрстом стать! Тогда б мы германцев прижали. Сами б могли императора выбирать, с другими фюрстами договариваться... их всего семь, кажется? Тех князей, что императора избирают.

– Семь, – авторитетно подтвердил владыко. – По указу великого короля Карла Люксембурга князья те курфюрстами именуются. Внутренние дела свои сами по себе ведут, императора избирают и право управлять империей имеют. Четверо светских князей, – тут отец Симеон, чтоб не коверкать язык, перешел на немецкий, – король Богемский, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский да маркграф Бранденбургский, и трое – церковных, архиепископы Майнца, Трира и Кёльна. Люксембурги – наследники Богемской короны, а Сигизмунд, удачно женившись, еще и король Венгрии. Опасен zelo!

– Знаю, что опасен, – согласно покивал князь. – Он свою империю строит... точнее – возрождает, мы – свою. Европа маленькая – двум медведям в одной берлоге не ужиться. Вот Сигизмунд и замыслил нас с Ганзой да с орденскими немцами сравить. Не первый же раз такие случаи! Еще и под свеев сработали, помните? Но тут мы сие за правду приняли – свеям ведь есть за что нам мстить – за Стокгольм разрушенный, за Або. Кстати, надо бы на Стокгольм им денег подкинуть – есть ведь!

– Ой, – закручинился святой отец. – Возьмут ли?

Егор подбоченился:

– Если лично я привезу – возьмут.

– Да, господине... тебя они уважают.

– Было б неплохо и к тевтонским немцам заехать, – на ходу соображала Елена. – И в Ганзу – прямо по городам самым важным – в Любек, Росток, Гамбург... А еще... – Тут княгиня вдруг хлопнула в ладоши. – Еще б и по немецким землям... что там рядом-то? Бранденбург?

– Я б и до Трира с Майнцем добрался, – усмехнулся Егор. – Уж не сомневайтесь, настроили бы всех – хватит Люксембургам воду в Европе мутить, пора уже нам ими заняться, иначе как бы не поздно было!

Сказал, как припечатал, – и Симеон, и супружница молча согласились. Князь довольно потер руки – этих двоих он считал самыми умными людьми на Руси, прекрасно разбирающимися в текущей политической ситуации. Если уж они с ним согласились, так дело ясное: надобно ехать!

– Тевтонский магистр Генрих фон Плауэн да ганзейские ратманы меня в лицо знают, – в возбуждении прохаживаясь по горнице, прикидывал князь. – В Стокгольме – тоже еще не забыли...

– Ой, не надо бы сейчас такой памяти! – Елена бросила в рот засахарившийся кусочек меда – так делала с недавних пор, когда уж очень хотелось погрызть ногти.

– Ничего, – успокаивающе улыбнулся Егор. – Главное, чтоб свеи силу нашу помнили. А они – помнят! Я им против датчан помощь предложу, а потом уж и в Бранденбург или к саксонскому курфюрсту подамся, мы ведь знакомы. Он меня и другим фюрстам представит. Что ты так смотришь-то, Елена? Сама ведь понимаешь, что мне лично – ехать. Кому же еще?

– Да уж, понимаю. – Княгиня вздохнула, как вздыхала бы всякая добропорядочная жена, которой предстоит долгая разлука с мужем. И так же, как любая жена, сказала: – Ты береги там себя!

Егор чмокнул супругу в щеку:

– Ты про мои видения не забывай, милая. Знаешь ведь, все опасности я предвижу и сразу на них реагирую.

– Да знаю, – тихо согласилась Елена и еще тише добавила: – Может быть, потому-то ты до сих пор и жив.

– Что ты там шепчешь-то?

– Говорю, молиться за тебя буду! А ты, любимый супруг мой, поезжай с легким сердцем и не переживай – я за тебя с государством управлюсь...

– Кто б сомневался!

– ...а корона германская нам бы не помешала!

Юная княгиня вдруг улыбнулась так широко и весело, что даже вечно озабоченный делами владыка посветлел лицом да поддержал Елену:

– Правильно, не помешала бы! И что с того, что германские земли все сами по себе живут? У нас на Руси так тоже совсем недавно было, покуда ты, великий князь, не пришел.

– С папами бы еще решить, – подумав, предложила княгиня. – Их ведь сейчас трое, так?

– Так. – Отец Симеон кивнул и продолжил, поглаживая бороду: – Григорий, Бенедикт и Иоанн.

– Там поглядим, кого поддержать, – махнул рукой князь. – Кто кобениться не будет и с Сигизмундом чуток подмогнет.

Посольство решили отправить тайно – Сигизмунд хоть и молод, да уперт, умен и коварен изрядно, да и руки у него длинные – зачем зря рисковать? Двойника – как когда-то – вместо Егора не ставили, ни к чему было. Просто отправили три богатых обоза с войском разом да в разные стороны – один в Москву, другой – в Орду, третий – в сторону Вологды. Князя

великого во всех трех отрядах видели, а куда он точно выехал, никто поведать не мог. Может, в Москву, а может – и в Орду, но скорее всего – через Вологду в Хлынов да в Вятку – давно туда собирался, самолично глянуть, как сибирские дела идут.

Уезжая, князь совершенно официально, как не раз уже делал, оставил вместо себя править супругу, пресветлую княгиню Елену... тяжелую руку которой знали отнюдь не только волшбицы-колдуньи. Правила княгинюшка жестко, кровь лить не боялась и мятежи подавляла нещадно, потому и уважал ее народ не меньше, чем самого князя. Страшился! А без страха-то – как?

Все три отряда – московский, ордынский, сибирский – отгуляв, вышли из Новгорода одновременно: быстро, четко, организованно. А немного погодя отчалили от Ладоги три двухмачтовые морские ладьи, две каракки и четыре когга, принадлежавшие некоему Федору Тимофеевичу, посаднику Славенского конца Торговой стороны Господина Великого Новгорода. Федор Тимофеевич, человек пожилой, опытный и умный, всегда поддерживал князя во всех начинаниях и даже, осмелев, давал ему советы, которым великий князь не считал зазорным следовать, за что посадник уважал его еще больше.

Курс флотилии тайны не составлял – как всегда, через Нарву и Ревель в Стокгольм – за медными крицами, – оттуда в Любек, ну а дальше – домой. Правда, пассажиров на этот раз не брали, всем кормчим хозяин строго-настроено наказал говорить, мол, все места заняты.

– Говорят тебе, все места заняты! – так и объясняли в конторе на ладожской пристани настырному ганзейскому немцу, только что прибывшему из Новгорода на большом челне. Такие рейсы – Новгород – Ладога и обратно – выполнялись регулярно, ибо крупные морские суда в Новгород по Волхову не поднимались – пороги! – а разгружались и стояли в Ладоге.

– Ну, как же, как же так? – заламывая руки, причитал немец. – О, майн гот! Я же опаздываю... и так на этот караван рассчитывал. Ну... может быть, как-нибудь все же можно, а? Я бы заплатил.

– Сказано же – нету местов! Раньше надо было приходить.

– О, боже!

– Ты вот что, господине хороший, – смилостивился приказчик. – Тут на якоре длинный такой кораблик стоит, видел? Трехмачтовый.

– О, я, я! – обрадованно закивал немец. – Видел. И что это за судно? Оно тоже отправляется в Стокгольм, да?

– До Готланда точно доберешься, а там уж и недалече, – покусав перо, усмехнулся конторский служащий. – «Морская Дева» – так тот корабль зовется, запомни. Шкипер с него и матросы тут недалеко, в таверне, гуляют, попутного груза ждут – с василькова вымола им меду в бочонках обещали, не сегодня завтра доставят, а как доставят, так они сразу и с якоря снимутся. Так что не зевай!

– О, благодарю, любезнейший господин! – рассыпался в поклонах немец.

Смешной такой, забавный – в куце темном плаще, в кургузом кафтанчике складками. На голове засаленный берет с поникшим петушиным пером, лицо бледное, борода рыжеватая, усики... в левом ухе – золотая серьга.

«Морская Дева» снялась с якоря еще раньше, чем отчалили суда Федора Тимофеевича. Даже меда своего не дождались готландские немцы, отплыли вмиг, видать, решили, что нечего тут больше ждать.

– Славный корабль! – стоя на высокой корме выстроенной на стокгольмской верфи каракки «Святой Георгий», Егор проводил взглядом таявшее в утренней туманной дымке судно. – Ходко идет.

– Так парусов много и мачты высокие, – покивал невысокий, с сивой окладистой бородой боцман. – К тому ж и шкипер опытный – это сразу видать. Да здесь они еще и наверняка лоцмана взяли.

– Хорош, – снова похвалил князь. – Мы за таким вряд ли угонимся.

Моряк горделиво повел плечом:

– Мы-то как раз догоним, а вот когги да лады... Когги слишком уж пузатые, а на ладейках парусов маловато.

– Так нарастить!

– Ежели, господине, нарастить, так это и корпус другой ладить надобно. Уже и не ладейка будет.

– Да, – согласно кивнул Егор.

В коротком немецком камзоле, в узких штанах-чулках – как в Новгороде нынче одевались многие – князь выглядел сейчас как обычный негодант, отправившийся по торговым делам в Стокгольм или Любек. Таких людей – достаточно еще молодых, решительных, знающих языки, а также морское и финансовое дело, в отличие от всех прочих русских земель, в Новгороде хватало всегда, и с избытком.

Кроме немецкого камзола – крепкие кожаные башмаки с модными пряжками, да доброго сукна плащ, да короткий, в потертых ножнах, меч на широком поясе. Небольшая «шкиперская» бородка, волевой взгляд, светлые, завитые по немецкой моде локоны. Много, много таких молодых людей было в Новгороде – негодантов, искателей счастья, ушкуйников. Кто-то хаживал по Варяжскому морю и был хорошим знакомцем хозяев портовых таверн от Ревеля до Любека и дальше, кто-то когда-то тревожил лихими набегами Орду, а ныне отправился на покорение Сибири, где опасностей было ничуть не меньше, чем в море.

Егор ничем не отличался от этого типа людей и не привлекал к себе слишком уж любопытные взгляды... разве что женские – ну, этого уж никак было не избежать, новгородские-то женки в теремах никогда не сидели, жизнь вели вольную, за что никто их не срамил... попробовали бы! Живо б в Волхове оказались.

Да чего далеко ходить, одна из таких «женок», шкиперша Василиса, вдова знаменитого ладожского лоцмана Тимофея Весло, ныне командовала морской ладьей в составе флотилии Федора Тимофеевича, и командовала так, что никто и пикнуть не смел! Уважали.

О том, кто Егор на самом деле такой, никто из корабельщиков не знал, только кормчие могли лишь смутно догадываться – посадник представил знатного пассажира лично, однако не говорил, что он – князь, просто приказал подчиняться сему молодому человеку беспрекословно.

Воины личной охраны – дружина! – те, конечно, знали, но держали язык за зубами, изображая из себя лишь подручных молодого купца... или небольшую ватажку – в излишние подробности жизни своих пассажиров среди корабельного люда вдаваться было не принято.

Никто из старых соратников и друзей сейчас с Егором, конечно же, не стоял, как раньше, плечом к плечу. Кого-то уже и в живых не было, кто-то управлял городами в разных концах страны, а кое-кто – как Федька – правил службу тайную в заморских землях.

Князь, кстати, в корабельную роспись записался под своим настоящим именем – Вожников Егор. Именно так... а не Великий князь Всея Руси Георгий Заозерский!

Плавание проходило спокойно. Выйдя из устья Невы в Балтийское – Варяжское – море, отправили на лодке лоцманов обратно в Ниен (городишко бывший свейский, а ныне – русский, на финской Охте-реке), и дальше пошли к Нарве, а потом, без всяких приключений, и в Ревель.

Море было чистым, спокойным, и с погодой повезло, однако шли не торопясь – ветер дул в левую скулу, а неповоротливые одномачтовые когги часто менять курс не умели, вот и приходилось подстраиваться под них.

– Ох и поползни, – ворчал на корме «Святого Георгия» старый кормчий Онуфрий Кольцо, – пузатые слишком. Наш-то кораблик груза не меньше берет, однако ж не в пример изворотлив да скор. В Стекольных делан.

– Я слышал, на наших, ладожских верфях, с дюжину таких заложили, – пряча усмешку, промолвил Егор. – Мастера там не только свои, голландцы да немцы – и своих полно.

– Хо! – Хохотнув, кормчий довольно погладил румпель. – Этак скоро все море нашим будет.

– Будет, – убежденно кивнул Егор. – Никуда не денется.

– А я вот еще слышал, будто во фряжских землях обшивку кораблю иначе кладут, не внакрой, как на нашем «Георгии», а встык, гладко. Карвель – по-фряжски прозывается, и суда так зовут – карвели.

– Может, каравеллы? – Вожников спрятал усмешку и повернул голову.

Шкипер покивал:

– Может, и так. А я смотрю, господине, ты в кораблях толк разумеешь?

– Немного, – отмахнулся Егор. – Так, интересовался – все ж по морям мотаюсь.

– Ой, я когда-то с голландскими немцами помотался! – Пользуясь хорошей погодой, старый моряк пустился в воспоминания: – В те-то времена, когда помоложе был, многие наши вот так, как я, – кто с голландцами, кто с ганзейцами, а кто и со свеями по морям хаживали. Война тогда шла промеж королем аглицким и родичем его, королем французским, а шкипер-то наш, капитан Рогир ван Эйк, хитер был преизрядно – то за тех воевал, то за этих... так многие делали, за предательство не считали, каждый свою выгоду блюл. Что говорить, пошалили изрядно.

– А что потом? – заинтересовался рассказом князь. – Ван Эйк этот, он сейчас где? Вижу, капитан славный.

– Повесили его в Онфлере-городе, не помню уж и кто – англичане или французы? Онфлер – он в Нормандии, а за кого тогда нормандцы были – бог весть. Сын у него остался, Антоний, в Утрехте иль в Антверпене. Говорят, очень на отца похож.

– А ты-то сам как, дядя Онуфрий, упася?

– Да повезло, можно сказать. – Кормчий громко чихнул и утер рукавом бороду. – Я тогда загулял, на берегу, в Дувре, остался... была там одна хорошая бабенка, статная такая, кровь с молоком. Хозяйка корчмы, Эженой звали, по-аглицки – Джейни.

– Понятно, у нее, значит, ты, дядюшка, и застрял.

– И тем себе жизнь упас. А потом снова к голландцам подался, опосля – на ганзейских судах хаживал, а потом и домой. Тут, на «Святом Георгии» нынче. Доброе судно!

Князь болтал с кормчим от нечего делать, коротая время. Дня через три должен был показаться Стокгольм, от встречи с тамошними дворянами зависело многое. А пока можно было и немного расслабиться, послушать всякие морские байки, даже вина выпить – правда, в компании начальника собственной охраны. В целях сохранения тайны шкипера тревожить своими посещениями Егор без лишней нужды вовсе не собирался.

Спал он на корме, в предназначенной для богатых пассажиров каюте, в которой кроме стола, небольшой кровати и лавки имелся еще и шкаф с кружками и прочей посудой. Вот из этих кружек вино и пили под свист ветра и мерное поскрипывание мачт. Именно так Егор провел вечер после разговора со старым моряком Онуфрием Кольцо, посидел со своими, чуть пригубившими кружки, дружинниками, да уснул – чего еще делать-то?

Наутро погода испортилась – хоть ветер и стал тише, да на небе показались низкие серые тучи и все вокруг заволочло зыбким туманом. А ситуация для плаванья близ шведских берегов всегда была сложная – тут и шхеры, и полным-полно мелких скалистых островков, налети на какой-нибудь из них в тумане, и все, конец судну!

– Убрать паруса! – первым делом скомандовал опытный кормчий. – Марсовые – посматривать, остальным – молиться!

Молитвы ли помогли или что иное, а только ближе к обеду разъяснилось, туман утек к берегам, и заголубело над мачтами небо. Радуюсь ветру, шкиперы отдали приказы поднять паруса, и все три каракки рванули так ходко, что почти потеряли из виду ладьи и когги... хорошо, хоть те догадались палить из бомбард, иначе б совсем потерялись.

– Ложимся в дрейф! – глянув назад, распорядился кормчий. – Ждем.

Матросы полезли на ванты убирать паруса, отставив лишь блинд на бушприте – уворачиваться, буде понадобится, от островков-скал. Один такой, совсем маленький, однако поросший соснами и можжевельником, как раз и показался по левому борту.

– Вон, видите, крест? – переложив румпель, Онуфрий Кольцо кивнул на мыс с большим деревянным крестом, серебристым от ветра и времени. – Значит, правильно идем... Да где ж там эти поползни-то?

Когги с ладьями подходили медленно, едва-едва, и прошло немало времени, прежде чем моряки с ходких каракк смогли разглядеть своих сотоварищей.

– Один, два, четыре... – доверив румпель вахтенному, неторопливо считал дядько Онуфрий. – Шесть... Полдюжины коггов! И еще с дюжину – сразу за ними... У нас столько не было!

– Корабли по левому борту! – звонко закричал с марсовой площадки зук. – Пять... нет, шесть... нет – восемь!!! Кажется, приближаются.

– Кажется? – сурово вскричал кормчий. – Вот я тя плеткой-то! Мхх... сиди уж, сам посмотри...

– Восемь, он прав, – князь тоже всмотрелся в море. – Плывут как-то странно...

– Галсами идут! – недобро прищурился шкипер. – С нами сближаются. С добром зигзагами такими не ходят! Поднять паруса! Всем готовиться к бою!

– Думаешь, лиходеи? – скосил глаза на него Егор.

– А тут и думать нечего! Что я, не знаю, что ли?

Отмахнувшись, старый моряк принялся яростно распоряжаться дальше. По всему судну забегали матросы и взятые в плавание воины, не исключая и небольшую княжескую дружину, экипированную доспехами на европейский манер – бригаантины, латные кирасы – эти-то куда как лучше кольчуг от стрел защищают. Наступательное же оружие имелось всякое – и сабли, и мечи, и шестоперы-палицы, и любимые многими боевые топоры – алебарды.

Егор в команды шкипера не вмешивался – старый моряк все делал как надо.

На грот-мачте взметнулся синий вымпел – команда «делай, как я» – дымя зажженными фитилями, зашевелились у бомбард пушкари, на кормовой и носовой надстройках притаились лучники с арбалетчиками, по бортам поставили стену из щитов. А ну, сунься, вражина!

– Когги не наши! – вдруг закричал с кормы командир стрелков.

И тотчас с коггов грянули пушки, и ядра просвистели над головами моряков, особого вреда не причинив и большей частью попадая в море. Что ядра? Если нужен результат – так бить только в упор и желательно в полный штить, без всякой качки. Или залпами – так пушек для этого маловато. Пушки на корабли ставили, а вот от громоздких баллист с катапультами давно уже отказались, особенно здесь, на Балтике, где даже в хорошую погоду всегда волна, зыбь. А с качающейся-то площадки попадешь, как же... в белый свет, как в копеечку, или – вот как сейчас – в море. Потому одна надежда: у пиратов – на абордаж, у купцов – на маневренность и скорость. И у обеих сторон, само собой – на стойких и сплоченных воинов, уверенных в себе профессионалов.

Когги, конечно, никогда б не догнали каракки даже и при слабом ветре, однако те быстроходные разбойничьи суда, что подходили по левому борту, уже успели выстроиться по ветру в линию, перекрыв курс новгородским караккам.

– Ничо, – ухмыльнулся в усы кормчий, – бог даст, прорвемся. Эх, ветерка бы поболее!

А вот с ветерком-то стало сейчас совсем худо: бодренький, задувший было к полудню бриз почти совсем стих, а низкое серое небо снова заволокли тучи, повиснув над мачтами, как всегда перед бурей...

Впрочем, о буре сейчас никто не думал – прорваться бы!

Снова ударили пушки – на этот раз с маячившего впереди длинного и узкого судна, в котором впередсмотрящий сразу же признал «Морскую Деву», вышедшую из Ладоги чуть раньше новгородского каравана.

Егор пробежал на нос, ибо с кормы ничего не было видно, мешали паруса и поднявшийся после залпа бомбард густой пороховой дым, вмиг заволокший судно по самые мачты.

Снова грянула пушка, и просвистевшее над левым ухом Егора ядро ухнуло в море, подняв тучи искрящихся жемчужно-белых брызг.

Капитан «Морской Девы» просчитался – ветер все же был, пусть и небольшой, и неустойчивое, с высокими надстройками судно сносило прямо на скалистый островок, полный возмущенного птичьего гама.

В образовавшуюся брешь и ринулся было «Святой Георгий», однако, когда спасение казалось таким близким, ветер вдруг сменил направление, ударив в правый борт, паруса каракки повисли бессильными тряпками... судно сносило прямо на врага! Медленно, но верно.

Одновременно с обеих сторон рывкнули бомбарды, на этот раз причинив существенный урон – на «Морской Деве» в щепки разнесло носовую надстройку, а снесенная под корень грот-мачта «Святого Георгия», падая, придавила собой старика кормчего и еще нескольких человек – и это была большая потеря.

– Приготовились к схватке, ребята! – Взбежав на корму, князь взял командование в свои руки. – Врагов больше – не давайте им перебраться к нам! Пушки заряжай! Арбалетчики... Залп!

Затмевая небо, тучами летели стрелы, многие из которых тут же находили себе жертвы. Корабли сближались, укрытую от ветра высоким корпусом новгородской каракки «Морскую Деву» сносило уже не так сильно. До сближения осталось всего-то с полсотни шагов... сорок... двадцать...

В ход уже пошли топоры и сулицы, полетели, круша головы зазевавшихся моряков. А вот и взметнулись абордажные крючья!

Конечно, и там и сям воины вооружились прилично, однако же море вносило свои коррективы – полный доспех не наденешь, как и поножи или тяжелый шлем – случись что, так подобная амуниция живо утянет на дно, на корм рыбам. Короткие кольчуги, легкие нагрудники-кирасы, а многие самонадеянно обходились и без этого, став первыми жертвами безжалостных стрел.

В обтянутой синим бархатом бригантине и обычной железной каске с небольшими полями, князь, сжимая в руке меч, смотрел на приближающийся борт вражеского судна, стремительного низкобортного хулька, какие строили в Зеландии по большей части для откровенно пиратских нужд.

– Пять шагов... три...

– Сеть! – оглянувшись на моряков, крикнул Вожников.

И, как только корабли со стуком столкнулись бортами, на ринувшихся на абордаж пиратов полетели рыбацкие сети, которые специально хранил в трюме предусмотрительный новгородский кормчий... упокой его душу, господь!

Кто-то запутался, кто-то прорвался, разрубив сети мечом или длинным матросским ножом, но в любом случае нападавшим пришлось очень даже несладко – лезть вверх, продираясь через сети. Да еще стрелки со «Святого Георгия» не упускали своего, сделав уже несколько залпов.

– Бей их, дави!

– Кто на Бога и Великий Новгород?!

Однако на месте одного убитого пирата тут же вставали трое – откуда только брались? Видать, «Морская Дева» вообще не несла в своих трюмах никакого полезного груза, только лишь воинов, отъявленных головорезов, не боявшихся никого и ничего.

– Бей их! Бей!

– Вита! Вита! Ага!

Князь Егор непроизвольно вздрогнул, услышав старинный клич витальеров, морских разбойников и бродяг, не так давно наводивших ужас на всю Балтику. Ныне, сильно потрепанные Ганзой и тевтонскими рыцарями, они уже не имели прежнего влияния и силы... однако около трех десятков кораблей, вот, сумели собрать!

Оставив дружину у борта, Егор подбежал к лучникам:

– Эй, парни, не спешить! Пусть те, у кого самострел, сначала сделают залп. Потом вы... и так – один за другим, ясно?

– Ясно, господине.

Самозваному командиру подчинялись на судне беспрекословно – ибо вышло так, что приказы сейчас отдавал он один, все остальные – кормчий и прочие – были либо ранены, либо убиты. И это большое счастье, что нашелся-таки человек, организовавший оборону, не побоявшийся взять ответственность на себя... и, судя по всему, несмотря на молодость – человек опытный, бывалый.

– Стрелки... Залп! Лучники – не зевайте. Щитonosцы – вперед!

Не снижая натиска, враги спешно перегруппировывали силы. Егор смог хорошо рассмотреть их командира, ловкого и сильного человека в рыцарском панцире и закрытом шлеме баццет с вытянутым забралом, еще называемым «собачьей мордой» и стоившим не меньше четырех золотых монет – гульденов или флоринов. Примерно столько же зарабатывал в год мальчик в солидной купеческой лавке. Очень хороший шлем, и дышится в нем легко, и пробить непросто. Вот только вид уж больно уродливый, да и обзор оставляет желать много лучшего.

Выпендривается, варнак! Или... просто не хочет, чтоб его потом узнал кто-то из спасшихся? Значит – рыцарь. Или добропорядочный бюргер, негодник из того же Любека, Ростка или Стокгольма. Утром бюргер, вечером пират – дело доходное.

Кто бы ни был предводитель разбойников, рыцарь или бюргер, а командовал он умело – враги уже захватили почти половину корабля, от бушприта до грот-мачты, превратив усыпанную трупами палубу в скользкое месиво из дымящихся людских кишок и крови. Пираты наседали, волнами, одна за одной, перекатываясь на борт обреченного судна – вот уже держалась лишь корма, и то только благодаря организованной Егором обороне. Все ж опыт какой-никакой имелся, да...

Рыцарь! Вожак! Отбив секиру врага, князь в какой-то момент понял, что именно от разбойничьего вождя исходит сейчас самая главная опасность. Он – организовывал, он – направлял, все команды его, разумные и четкие, исполнялись пиратами беспрекословно.

А что, если внести разлад в этот четко организованный праздник смерти? Внести одним, единственно возможным, способом.

– Сражайтесь!

Ободрив своих и пользуясь суматохой, Егор скинул шлем, убрал меч в ножны и, склонившись за борт, ухватился за абордажный канат. Миг – и он оказался уже на вражеском судне. Оглядевшись, живо подобрал с палубы брошенный кем-то шлем с длинным назатыльником и прорезями для глаз, называемый «немецким салатом», нахлобучил его – слава богу, подшлемник оказался на месте... оружейники называли это «мягким внутренним капюшоном из кожи», и цена его неразрывно входила в цену шлема.

Никто не обратил на князя никакого внимания – подбадривая друг друга истошными криками, враги суетливо карабкались на борт новгородской каракки. Ой, как же их было много!

Вот и корма... румпель... И главный враг в бацинете «собачья морда»!

Опытный в подобных схватках, Егор нанес удар с ходу – однако враг обернулся, почувствовав опасность каким-то шестым, особым, чутьем... Обернулся, уклонился – удар лишь скользнул по забралу – и сам сделал выпад, намереваясь достать соперника своим длинным клинком.

Со звоном отбив разбойничий меч, князь вновь перешел в атаку, стремясь разделаться с врагом как можно быстрее – в этом был единственный шанс уцелеть.

Удар! И звон... и злой, режущий нервы скрежет! Так, верно, скрежещут сковородки в аду, когда черти их чистят песком.

Удар! Удар! Удар!

Бражина сделал знак своим – чтоб не мешали. Видать, хотел потешиться, надеясь на свое несомненное искусство и храбрость.

Получай, ползучий гад, сволочуга! Отступаешь? Ага!!! Кто на Бога и Великий Новгород?!

Ах ты ж... Увернулся! Все ж борец – сразу видно – опытный. Ударил сам... Снова звон. А если подставить под клинок шлем? Вроде прочный, не должен развалиться... И, когда пират ударит, достать его снизу, выпадом – в пах!

Пират, видно, увлекся схваткой, в запальчивости совершив то, на что и рассчитывал его хитрый соперник. Удар по шлему!

Егор тут же упал на правое колено, и...

И тут где-то над головой загрохотал такой жуткой силы взрыв, что, казалось, раскололось пополам небо! Взорвался пороховой погреб? Нет! Это гром... молния... волны!

Одна волна ударила судно в корму с такой силой, что князь, выпустив меч, кубарем полетел в воду. Салад, слава богу, успел скинуть, но тяжелая бригантина сразу же потянула Егора дно. Однако молодой человек сумел избавиться от доспеха, что оказалось не так уж и сложно – достаточно было просто развязать пояс. Обтянутые бархатом латы ушли на дно, а молодой князь вынырнул, жадно вдыхая воздух.

Внезапно налетевший шквал разметал суда, словно щепки, ни о каком бое сейчас не шло и речи. «Морскую Деву» и «Святого Георгия», притянутых друг к другу, словно сиамские близнецы, разбушевавшаяся стихия выбросила на тот самый скалистый островок и вот-вот грозила переломить пополам... а-ай! Переломила! Первой, со страшным треском, сломалась «Дева», да и каракка пережила ее ненадолго. Что же касалось остальных судов – то князю их не было видно... Уцепившись за обломок мачты, молодой человек спешно привязал себя куском каната, отдавшись на волю бога и волн.

В фиолетовом грозном небе снова вспыхнула молния, громыхнул гром.

«Господи, – молился про себя Егор. – Дай бог куда-нибудь вынестись. Островков здесь полно».

Бог внял его молитвам. Уже ночью обломок мачты с привязавшимся к нему князем, поносив по морю, вышвырнуло волной на какой-то остров, который Егор не смог сразу же рассмотреть по причине дикой усталости и непроглядной тьмы. Он даже не помнил, как провел ночь, скорее всего, прикорнул где-то в забытье, а утром...

А утром в небе ярко сияло солнышко! И море казалось таким ровным, прозрачно-синим и благостным, что хотелось немедленно искупаться... что князь и сделал, разложив одежду сушиться на прибрежных камнях.

Немного взбодрившись, молодой человек посидел на плоском, нагретом солнцем валуне, натянул на себя почти высохшую одежду и с видом заправского робинзона отправился исследовать остров, оказавшийся не очень-то и большим, и даже более того – маленьким. Князь не поленился, измерил: в длину сотня шагов, и в ширину примерно тридцать.

Правда, кроме камней, еще сосновый лесочек и вереск на скалах, и...

И все!

Как хочешь, так и живи. Выбирайся!

Подумав, молодой человек взобрался на самую высокую сосну, осмотрелся – никакой земли нигде видно не было, вокруг спокойно плескалось казавшееся безбрежным море. Усевшись на выбивающийся из земли корень, Егор крепко задумался. Да, конечно, в этом море таких островков полно, тянутся они целыми архипелагами, и весьма вероятно, что земля – или какой-то остров побольше, может быть, даже обжитой, населенный людьми, – совсем-совсем рядом. Только вот добраться до него вплавь – занятие безнадежное. Во-первых, надо знать, куда плыть, а во-вторых – водичка в море не слишком-то теплая, вполне можно и не доплыть.

Егор вдруг улыбнулся и, поднявшись на ноги, швырнул в море подобранный здесь же камень. А кто сказал, что сей островок вообще никем не посещается? В таком-то людном месте. Да быть того не может! Наверняка здесь бывают люди – те же рыбаки или мальчишки...

Подумав так, молодой человек еще раз обошел остров, на этот раз куда более внимательно вглядываясь в линию побережья. Князь прежде всего искал место, куда удобней причалить, и нашел-таки. Целых два!

Тут же обнаружили и колья, к которым привязывали лодки, и даже обрывки веревок. Отыскав все это, Егор уселся на валун и призадумался: если этот островок посещали рыбаки, не может быть, чтоб они после себя ничего не оставили. Даже не «после себя», а для себя. На всякий случай – вдруг шторм, и придется находиться здесь несколько дней.

Оп! Молодой человек пришлепнул усевшегося на шею комара, эти кровососы здесь были размером чуть ли не с буйвола! Ну, не такие большие, конечно, но будь здоров, потому и в лесочек идти не хотелось, на берегу-то их все же зудело поменьше – ветер сдувал. И все же пришлось пройти под высокими кронами, пропитываясь терпким запахом янтарной смолы и отгоняя комаров сорванным по пути папоротником. Никакого подлеска, кроме того же папоротника, черники, для которой сейчас был еще не сезон, и – изредка – можжевельника, на островке не имелось, лес стоял чистый, как в парке.

Немного пройдясь, князь обнаружил тропинку, петлявшую через весь лесочек. Эта узкая, едва заметная тропка вывела Егора к шалашику, сделанному из веток и плавника. Пошарив там, молодой человек обнаружил мешочек с остатками муки грубого помола, туесок с солью и огниво: кресало, кремь и трут. Рядом журчал родник – и князь с большим удовольствием напился, подумав, что все же Господь был за него! Вероятно, потому и видения не появлялись.

Обрадовавшись, молодой человек собрался тут же развести костер, да снова задумался – а что же жарить-то? Ничего ж при себе не осталось, ни кинжала, ни ножа – все поглотило нена сытное море! Увы... Не считать же за орудие труда висевшую на шее золотую цепочку с крестиком? Ее-то нет, конечно, а вот браслеты... Один был золотой, узенький, другой – серебряный, на стальном припое – вот этот-то и сгодился, с его помощью Егор выломал в кустах подходящую палку, заострил конец, а потом уж пришлось развести и костер – обжечь для крепости.

Подкинув в руку полученную острогу, новоявленный робинзон довольно улыбнулся и направился к валунам – там он заметил обширную, кишашую рыбой молодью отмель, с выступающим прямо из воды омертвевшим деревом, корявые ветви которого были усыпаны белыми чайками. Да-а, рыбка, значит, имелась...

Опытный воин, Егор быстро загарпунил пару приличных рыб – треска! – и, посчитав, что на ужин и завтрак этого вполне достаточно, тут же и почистил добычу с помощью все того же браслета. Обваляв рыбу в муке и соли, князь насадил ее на пруты и пристроил над углями. И через какое-то время получил вкуснейший гриль с аппетитно хрустящей корочкой.

Запив ужин водой из родника – пришлось использовать вместо кружки собственные ладони, – молодой человек подбросил в костер смолистых веток – от комаров – и, улегшись рядом на мох, принялся смотреть на море. Дело близилось к ночи, и красное солнце медленно

погружалось в алую пелену волн. Никаких парусов Егор поблизости не увидал и сам не заметил, как уснул под нудное зудение комаров и резкие крики чаек.

Князя разбудил громкий гудок корабельной сирены. Встрепенувшись, Егор вскочил на ноги, увидев, как в утреннем мареве пенит волны огромный бело-голубой лайнер – паром «Силья Лайн Серенада» рейса Хельсинки – Стокгольм – Хельсинки!

Глава III

Голландец

«Серенада»...

Егор побежал к кораблю, громко крича и размахивая руками... Паром вдруг прямо на глазах исчез, растаял, обратившись в белое плотное облако, которым, собственно говоря, и был.

Привиделось! Молодой человек расстроено плюнул и принялся разжигать давно догоревший костер – прогнать надоедливых комаров да подогреть оставшуюся от вчерашнего пиршества рыбу.

– Ага, – бормотал князь. – «Серенада», как же! Нет, конечно, хорошо бы сейчас туда – ужин «все включено», дьюти-фри с дешевым спиртным, ночной клуб «Атлантис» с живой музыкой и танцполом.

Егор как-то пару раз так путешествовал, один раз – с друзьями, а другой – с одной девушкой, чем-то похожей на княгиню Еленку. Тоже блондинка, только сероглазая и себе на уме. Впрочем, Еленка тоже – себе на уме, хотя князя своего любит сильно – этого не отнимешь.

Молодой человек неожиданно улыбнулся, вдруг подумав, что давно уже стал здесь, в этой эпохе, своим. Жена вот, ребенок... княжество... Целая Русь... и не только! Вот ведь причудливые изгибы судьбы – жил да был себе обычный молодой парень, Вожников Егор, в юношестве еще получил звание кандидата в мастера спорта по боксу, в армии отслужил под Козельском, в РВСН, потом шоферил да занялся лесом – пару пилорам завел (спасибо дядюшке), год на факультете социальных наук отучился, потом перевелся на «бухгалтерский учет и аудит» – заочно – для предпринимателя дело нужное. Еще в университете Егор подружился с так называемыми реконами – людьми, всерьез занимающимися реконструкцией исторического костюма, обрядов, быта, разных знаменитых сражений, даже пару раз участвовал в фестивалях и по Волхову «драккарил».

А потом вдруг познакомился с бабкой Левонтихой, колдуньей, у нее сайт свой в Интернете был... или «ВКонтакте» группа... Сам же Вожников и захотел способность великую получить – опасности предвидеть, выкупил у Левонтихи снадобье да принял – при этом и в прорубь надо было нырнуть, так Егор и нырнул... а вынырнул уже в начале пятнадцатого века, после нашествия на Русь ордынского эмира Едигея! Не сразу эта мысль к молодому человеку пришла, что в глубокой он... в глубоком прошлом, однако же – пришла, никуда не денешься. Когда средневековые города один за другим пошли, потом – лихая ватага ушкуйников, ордынское рабство, побег... Княжество! Сначала – с помощью Еленки, с которой в Орде познакомился и вместе с нею оттуда бежал, – стал Егор Вожников белозерским князем... Соседей-хитрованов прижал, Москву алчную, потом и до Орды очередь дошла, до Литвы, до Константинополя... Все теперь под рукой «Великого князя Георгия» хаживали! А кое-кто – интриги плел... как Сигизмунд Люксембург – Зигмунд – король венгерский и германский.

Дела, конечно, имелись вполне неотложные, шутка ли – всей Русью править, да еще с интриганами успевать управляться, о своем положении-то некогда и подумать было... разве вот только сейчас появилось времечко!

Способность-то, кстати, Егор получил, не обманула бабка – перед лицом грозившей опасности являлись ему видения... правда, как-то нерегулярно в последнее время. К примеру, нападение пиратов князь не предвидел – ничего подобного в голове, перед глазами не появилось... Может, потому, что выпил много? Спиртное способности подавляло, да... А скорее, просто потому, что лично Егору опасность смертельная не грозила – вон, выжил же! От меча или стрелы разбойничьей не погиб, в море не утонул, не сгинул. Чего переживать-то? Сиди вот

теперь тут, на острове, кукуй, вспоминай что-нибудь веселенькое... какие-нибудь соревнования по боксу еще в юности или вот, «бухгалтерский учет и аудит».

Нельзя сказать, чтоб молодой человек не пытался вернуться обратно домой, в свою эпоху, – по возможности ни одной колдуньи не пропускал, все надеялся: вдруг да они смогут? Не смогли. А одна из волшебниц – красивая, кстати, и молодая – на вопрос Егора, когда же он вернется домой, прямо так и ответила: никогда! Живи тут и не трепыхайся, парень, – сам во всем виноват!

Да уж, сам... Вожников поворошил прутиком угли и тяжело вздохнул. Кроме себя самого, к кому еще предъявлять претензии? Бабка Левонтиха ведь предупреждала – не вздумай в прорубь в грозу нырять, да Егор не внял тогда – какая зимой гроза? А ведь случилась!

С другой стороны, давно уже все меньше и меньше тянуло обратно – ведь все здесь: семья, друзья, дела государственные. Шутка ли – Русь и прочие земли нынче под его рукой! Это вам не две пилорамы и лесовоз с фискаром! Так просто не бросишь, даже если б и возможность была. На кого все оставить-то? Да и семью жалко, Еленку – любит ведь... да и так – неплохая девчонка, красоты редкостной. Егор родную свою супругу тоже любил, и очень даже сильно. Да сын, Миша... И еще детишки пойдут.

Какие, к черту, пилорамы, когда тут Сигизмунд Люксембургский воду мутит, гад! Не он ли пиратов послал? Нет, вряд ли – не мог он никак прознать про замысленный князем вояж, никак не мог, все в глубокой тайне делалось.

Просто разбойники, витальеры, не до конца добытые Орденом и Ганзой. Еще лет двадцать назад они могли и сотню кораблей запросто выставить, а то и две, флоты громили, города захватывали... а теперь... Просто Ганза и Орден посчитали, что пираты им больше не нужны – лишняя головная боль! Зачем открытый разбой, когда и легальным образом можно делать деньги куда большие, нежели тривиальным лиходейством? Тем более многие бывшие пираты, разбогатев, купили себе дома в больших ганзейских городах, обзавелись семьями, деньги в торговлю вложили... почтеннейшие бюргеры! Столпы общества – кто-то и бургомистром стал, а многие – ратманами, зачем им теперь бывшие дружки – «кровавая пыль девяностых»? А низачем, дискредитируют только да деньги зарабатывать мешают, а еще – что самое неприятное – смущают простой народ, голытьбу, всяких там «вечных подмастерий», крестьян и прочих. И если раньше, чего греха таить, многие ганзейские города оказывали «своим», прикормленным, пиратам поддержку, то потом сговорились такого больше не делать – вот и кончилось пиратское братство. Нет, разбойники оставались, конечно – свято место пусто не бывает, – но уже не те, не те... измельчали! На караван торговый могли напасть... и то – далеко не на всякий. И хорошо, что...

Вдруг снова прозвучала сирена...

Егор вздрогнул – неужто «Серенада»? Не слышалось?

Молодой человек вскочил на ноги – звук гремел где-то за деревьями, на другой оконечности островка...

Вот снова!

А вот показались мачты... И паруса. Паруса обычной рыбацкой шнявы – юркого, с низкими бортами суденышка с двумя мачтами и узкой кормой. Именно там, на корме, и трубили в рог – видать, подавали сигналы собратьям. Ловившим рыбу где-то поблизости.

Вожников улыбнулся – ну, вот и выход. Чего еще ждать-то?

Едва не споткнувшись, он бросился по берегу к мысу, закричал, замахал руками. «Робинзона» заметили, стоявшие на корме люди доброжелательно замахали в ответ, и вот уже судно, сменив курс, мягко стукнулось бортом о плоские камни. Упал с борта узкий дощатый трап.

– Добро пожаловать на «Сесилию», уважаемый господин! – сделав приглашающий жест, широко улыбнулся какой-то элегантный человек, по всей видимости, шкипер или даже хозяин судна.

Лет тридцати, высокий, в коротком зеленом плаще поверх темного, шитого серебром камзола, со светлыми, падающими на бархатный воротник волосами и узкой рыжеватой бородкой. В левом ухе золотом горела серьга.

– Я – шкипер и хозяин этого славного судна, Антониус Вандервельде, – слегка поклонившись, представился галантный молодой человек. – А вы, сударь, я так понимаю, потерпели крушение в недавний шторм? Ох, и страшное ж было дело – много погибло судов.

– Да, я с судна... – поднимаясь на борт шнявы, неопределенно пробормотал князь. – И хорошо заплачу, коли вы доставите меня в Стокгольм!

Герр Вандервельде приложил руки к груди и с сожалением молвил:

– Увы, Стокгольм слишком уж отсюда далек. А мы идем в Штеттин и никак не можем изменить курс – просто протухнет селедка.

– Что ж... – Рассудив, что не в его положении привередничать и навязывать своим спасителям иной маршрут следования, князь махнул рукой. – Штеттин так Штеттин. Оттуда куда нужно доберусь.

– Проходите, проходите, господин. – Шкипер гостеприимно проводил спасенного на корму. – У нас, конечно, не торговое судно – каморки маленькие, но все же там можно выспаться, отдохнуть.

Антониус Вандервельде и князь Егор говорили по-немецки, на том его диалекте, что был в ходу в северонемецких городах и в Ливонии. Южные же немцы, откуда-нибудь из Баварии или Швабии, их речь, конечно, поняли бы плохо, а то и вообще бы не поняли. Впрочем, Егор умел говорить и так, как принято в Швабии, Баварии, Каринтии – настояла имеющая склонность к иностранным языкам супруга. Немецкая речь ей нравилась, да частенько и необходима была, а учить одной было скучно, вот любимого мужа и напрягла.

Вообще, конечно, правильно сделала, особенно что касалось северных диалектов – без этого никуда, все же соседи, можно сказать – друзья.

– Вы, господин, судя по выговору, из Ревеля?

– Из Нарвы. – Егор оглянулся на пороге предоставленной ему каюты и вдруг хлопнул себя по лбу. – Совсем забыл! Меня зовут Генрих, Генрих Мюллер из Нарвы, я финансист.

– О, финансист... понятно! Всегда уважал ученых людей, герр Мюллер. Приятно познакомиться, очень и очень рад.

– Я тоже рад, – улыбнулся Вожников. – Надеюсь, вы понимаете, что все ваши услуги будут щедро оплачены?

– О, мой господин! Поверьте, мы и без того оказали бы вам всю возможную помощь. Шторм, он, знаете ли, всякого может коснуться... и весьма ощутимо, ха-ха-ха! Я велю принести вам что-нибудь перекусить, и... наверное, те сапоги, что у нас есть, вам придутся впору. Отдохните, поспите, а ближе к вечеру прошу вас ко мне на обед. Очень приятно будет пообщаться.

Так толком и не выспавшийся из-за комаров и разного рода переживаний, Вожников воспользовался любезным предложением хозяина «Сесилии» с удовольствием и самой искренней благодарностью. И пусть каморка оказалась узенькой и похожей на гроб, а кровать – чрезвычайно жесткой и узкой, тем не менее это все же был не шалаш, не мох и не скалы. И, слава господа, не зудели вокруг комары!

Немного подкрепившись все той же печеной рыбой – что еще могли есть рыбаки? – спасенный с большим удовольствием опорожнил кувшинчик белого вина, объемом литра полтора точно, и завалился спать, упершись ногами в переборку. Было хорошо слышно, как бежали по палубе матросы, как свистел в свою дудку боцман и хлопали на ветру паруса.

Что ж, пусть Штеттин. Там тоже есть подворье новгородских купцов... и, может быть, что-то удастся узнать о судьбе подвергшегося пиратскому нападению каравана. Неужели ни одно судно не спаслось? Маловероятно.

Ближе к вечеру любезнейший господин Вандервельде, как и обещал, принял «герра Мюллера» в своей каюте, оказавшейся куда просторней, нежели предоставленная гостю каморка.

Стол уже был накрыт – ржанные лепешки, суп из кореньев и свежей крапивы в большой серебряной супнице, жареная, обильно сдобренная шафраном и прочими пряностями рыба, просяная каша на конопляном масле, паштет из мелко порубленных птичек – воробьев или синиц – со свеклой и морковью, вареные пестрые птичьи яйца, орехи, изрядный кувшин вина. С него и начали.

Выпив за знакомство, поели, затем снова выпили и перешли к неспешной беседе, изредка прерываемой лишь появлением помощника шкипера – несколько угрюмого молодого парня с вытянутым мосластым лицом. Помощник советовался с хозяином по поводу курса и ночлега, предлагая пристать к какому-то островку... что и было сделано, и новые приятели, вышедшие на палубу освежиться, с полчаса любовались закатом и островом – таким же, на котором до того прозябал князь, правда, куда больше. И лес тут рос гуще – не только сосновый бор, но и ельник, и даже виднелась крытая лапником рыбацкая избушка, сложенная из серых от времени бревен.

– Тут раньше было языческое капище, – охотно пояснял шкипер. – Даже приносили в жертву людей! Да-да, не удивляйтесь, такие вот были когда-то кровавые и безбожные времена, не то что нынче. Да-а... подумать только, сколь великих успехов с соизволения Господня достиг человеческий ум! Мельницы, бумага для письма, стекло, изящные ткани, доспехи по фигуре – все для удобства жизни. А ведь еще каких-то лет двести назад ничего этого не было! И все жили в дикости... бедные, бедные люди.

За соснами пламенел закат, и отражающиеся в темных волнах кроны деревьев казались объатыми пламенем. В быстро темнеющем небе прямо на глазах вспыхивали желтые звезды, и мерцающая половинка луны качалась над крышей рыбацкой избушки, уже почти не различимой из-за наступившей ночной тьмы.

– Гейнц, – обернувшись, подозвал шкипер молодого матроса. – Зажги-ка в моей каюте свечи, да не сальные зажигай, достань из шкафчика хорошие, из русского воска.

Кивнув, матрос убежал исполнять приказание, а хозяин «Сесилии» посмотрел на звезды.

– Вот ведь, горят. И указывают дорогу морским судам... только здесь слишком уж много островов и скал для того, чтобы идти ночью. Ну что, дражайший герр Мюллер? Спустимся ко мне? У нас еще остался марципановый пирог, правда, немного черствый, сладкий мармелад из корней лопуха с шиповником, орехи и, конечно, вино. Посидим, поговорим, выпьем... как принято у нас в Голландии, я ведь оттуда, из Гента.

Собственно, говорил один шкипер, судя по всему, относившийся к той, не столь уж и редко встречающейся породе людей, что нуждаются вовсе не в собеседниках, а скорей, в слушателях. Это сейчас было князю на руку – он вовсе не хотел в подробностях рассказывать о себе – врать. Тем более столь гостеприимному и любезному человеку, как герр Антониус Вандервельде.

А герр Вандервельде говорил о многом – от устройства небесных сфер, описанного знаменитым Николя Оресмом, до рецепта похлебки из чечевицы с шалфеем, толченым жареным луком и корицей.

В эту ночь Егор уснул поздно и проснулся лишь от беготни матросов – судно снималось с якоря. И снова безбрежное море, и поросшие редколесьем скалистые островки, и крики кружащих над мачтами чаек.

Вот впереди показался парус, потом – еще один, и даже несколько – еще немного, и Вожников смог разглядеть около двух десятков вымпелов ганзейского города Ростока. Быстро догнать медлительные пузатые когти юркой шняве не составило никакого труда. По приказу капитана на грот-мачте взвился цветастый зелено-красный стяг – как видно, сигнал привет-

ствия. Точно такими же флагами отсалютовали и ганзейские корабли – не слишком ли много чести для простых рыбаков? Или шкипер Антониус Вандервельде был у ганзейцев на особом счету? Оказывал какие-то услуги? Наверное, так.

Нагло вклинившись в середину торговой флотилии, «Сесилия» зарифила паруса, уравнивая скорость, да так и пошла вместе с коггами. Странно, что их капитаны не протестовали. Уж точно – имелись у голландца какие-то заслуги.

Вечером опять пили вино со шкипером, а утром... Утром в каморку Егора ввалились трое дюжих матросов, и еще пара вооруженных абордажными саблями дожидалась у двери. Рядом с самым озабоченным лицом стоял Вандервельде, презрительно прищурившийся при виде схваченного гостя.

– Да что происходит?! – громко возмущался Егор. – Объясните, уважаемый господин шкипер?

Голландец покривил губы:

– Дело в том, герр Мюллер, что у нас есть все основания полагать, что вы не тот, за кого себя выдаете.

– Не тот? – округлив глаза, усмехнулся князь. – А скажите на милость, кто?

– Пират. И пособник пиратов, – жестко произнес хозяин «Сесилии». – А потому сейчас вас закуют в кандалы и посадят в трюм.

– Но... где доказательства?

– Вы непременно узнаете их на суде.

Ну, хоть так. Хоть суд будет, а там... Там все, что угодно, произойти может – Егор суда не боялся, а потому дал спокойно себя заковать – ну, не драку же устраивать: парочку-тройку рыбаков, конечно, вырубил бы, а дальше – увы. Тем более никаких нехороших предчувствий не наблюдалось, и предупреждающие видения князя тоже не посещали.

– Ну вот – в трюм, – пожимая плечами, звякнул цепями арестант. – Что, в каморке-то нельзя оставить? Боятесь, что сбегу?

– В каморке? – Подумав, шкипер махнул рукой: – А и в самом деле, зачем привычное место менять? Вам ведь там вполне уютно, правда?

Вожникова живо водворили обратно в каюту, только теперь уже не на правах гостя, а – арестантом, о чем красноречиво свидетельствовали красовавшиеся на руках и ногах цепи, ходить особенно не мешавшие, но вот если бежать... или, не дай бог, плыть... Ко дну и пойдешь, не во время шторма, так сейчас – прыгни только.

Кормить, кстати, хуже не стали, даже давали вино, правда, уже не в капитанской каюте. Хм... давали... Егор усмехнулся – еще с «пилорамных» времен он не любил безличных глаголов – «схватили, повезли, кормят». Всегда интересовался – кто это все делает, почему, с какой целью и на какие средства? Вот и сейчас все делалось по приказу герра Антониуса Вандервельде... если только глазам и ушам верить. А ежели включить голову, то вовсе не факт, что хозяин «Сесилии» в этой затее главный. Ему могли и приказать. Те, у кого есть какие-то «доказательства» о причастности «герра Мюллера» к пиратскому братству. Впрочем, никаких таких доказательств вполне может и не быть, просто имеется большое желание расправиться с Егором! И кому ж он дорожку-то перешел? Да много кому из сильных мира сего... но только – в качестве великого князя. Герр Мюллер – точно никому не нужен, будь он хоть трижды финансовый гений. А если так, то кто-то знал все... или почти все и следил за князем аж с самой Ладogi... Перед схваткой с пиратами, кажется, маячило впереди какое-то знакомое судно... как его называл покойный кормчий Онуфрий Кольцо – хульк! Однако таких кораблей много, да издали они все похожи, только по количеству мачт и различий. Пожалуй, одни пузатые когги и выделяются среди прочих. Ладно, что гадать? Скоро Штеттин, а там... там и своих полно, и ганзейцев.

Города, куда пришли уже к вечеру, князь так и не увидел – узника сразу же засунули в подогнанный на причал крытый возок, запряженный четверкой мулов. Эти выносливые, но весьма неторопливые животные повлекли повозку по мощеным улицам. Рессор, конечно же, никаких не имелось, что Егор сразу же почувствовал на своих боках – колеса подпрыгивали на булыжниках, и трясло немилосердно. Можно было утешать себя тем, что ехать, ясное дело, недолго – средневековые города все же не мегаполисы.

Но ехали долго! Один только раз остановились – снаружи слышались чьи-то голоса и звон монет... потом скрип – такое впечатление, что поднимали не особенно старательно смазанную решетку. И поехали дальше, только уже более плавно, лишь иногда подпрыгивая на ухабах – судя по всему, возок выехал за город.

Проехав еще, наверное, около часа, остановились на ночлег в какой-то роще. Узника вывели подышать и поесть. Правда, ненадолго, почти сразу же сунув обратно в возок, так что Егор толком и разглядеть ничего не успел. Отметил только, что сопровождали его около двух дюжин вооруженных всадников... явно не рыбаков, а людей воинских, кое на ком были и кольчуги, и латы.

Все это сильно не понравилось узнику – к чему б такие почести простому пирату? И хозяина «Сесилии» что-то нигде не было видно... мавр выполнил свое дело?

– Как вам путешествуется, дражайший герр Мюллер... или как вас там на самом деле зовут? Надеюсь, уже не очень трясет?

– Да нет, не очень.

Услышав знакомый голос голландца, князь испытал нечто вроде радости – ну, хоть один знакомый. От этого уже можно было плясать, шкипер, по всему, никаким фанатиком не был.

– Правда, скучновато как-то, – поспешно сказал Егор. – Даже поболтать не с кем.

Чувствовалось, что герр Вандервельде тоже изнемогает без достойного собеседника – как все люди такого склада, он просто не мог не изнемогать! – и, может быть, куда даже более, нежели сам князь.

– Прямо хоть стихи читай, – пожаловавшись нарочито громко, с тоской, Вожников тут же продекламировал: – О любви к прекрасной даме пусть тревожат сердце менестрели... не помню уж, как там дальше.

– Любите фон Ауэ? – узнал поэта голландец.

Князь хмыкнул:

– Не я – жена. Все время на ночь читала. А по мне, так к черту всю эту любовь-морковь и сладкие сиропные сопли. Бабье чтиво!

– Совершеннейше с вами согласен! – Вандервельде немного помолчал и продолжил уже куда тише: – Я смотрю, вы человек спокойный. Это хорошо! Вот что... сейчас все улягутся, посидим с вами у костра, может быть, даже и вина выпьем.

– Да, вина было бы неплохо, – скрывая радость, охотно поддержал идею Егор.

– Ну, ждите, герр...

На поляне, таинственно мерцая углями, догорал костер, над которым на железном вертеле жарился, вернее – подогревался, изрядных размеров окорок, кусок которого предложил узнику любезный голландец, ныне одетый в простое дорожное платье и длинный плащ с капюшоном.

– Ешьте, господин Мюллер... Ладно, буду уж так вас пока называть. Ешьте и не задавайте вопросов – уговор?

– Уговор, – согласно кивнул Вожников. – Только как же я есть-то буду? Цепи мешают.

– Ну-у, не так уж сильно мешают. Как говорят у нас в Генте – мешала веревка висельнику повеситься!

Расхохотавшись, шкипер – или уж кем он там был, насчет этого в душу Егора уже закрадывались смутные сомнения – жестом подозвал воина, угрюмого молодца с вытянутым лицом, которого Егор уже видел на той же «Сесилии». Ага... значит, не все там были рыбаки! Или даже вообще, все – не рыбаки вовсе!

– Шорника позови.

Явившийся на зов шорник проворно освободил запястья Егора от цепей, и князь сразу почувствовал себя гораздо лучше, что даже не считал нужным скрывать:

– Эх, хорошо – теперь, любезнейший герр Вандервельде, можно и вина выпить! Так что вы там говорили про фон Ауэ? Ой! – Молодой человек вдруг осекся. – Прошу покорнейше извинить, я же обещал не задавать вам вопросов.

– Ничего, ничего. – Голландец лично разлил по походным кружкам вино из объемистой дорожной фляги. – Такого рода вопросы как раз задавать не возбраняется! Они весьма полезны для доброй, располагающей к отдохновению беседы. А вот если спросите – куда и к кому мы едем, да где мы сейчас – ответа, увы, не получите, а получите только лишь мою неприязнь и самые искренние сожаления о не сдержанном вами слове.

– О, избавьте меня от всего этого, любезнейший господин!

Вожников помахал руками, разминая запястья, а заодно и выбирая момент для удара – боксер, пусть даже бывший, это очень даже серьезно, все равно что пистолет в рукаве.

Егор ни минуты не сомневался, что при нужде сможет вырубить сразу человек трех, пусть даже и вооруженных, лишь бы на подходящем расстоянии оказались. Правда, момент сейчас был не особенно подходящий, а точнее – не подходящий вовсе. Нет! Для того чтоб морды вражинам начистить – так в самый раз, а вот для побега – увы, было еще несколько несвоевременно. Хотя б для начала прикинуть маршрут да сообразить, куда податься, да и от кандалов на ногах избавиться бы не помешало.

Будь молодой человек поглупее, да не проживи здесь, в пятнадцатом веке, столь долго, так, верно, заорал бы днем благим матом, рассчитывая, что привлечет внимание проезжих-прохожих – дороги в Европе и в эти недобрые к путешественникам времена пустынными вовсе не были. Только вот и люди были куда осторожнее, и любопытство в подобных ситуациях проявлять вовсе не стремились – попробуй-ка на крик сунься, живенько огребешь, и хорошо, если по зубам, а то ведь и мечом запросто проткнуть могут.

Итак, для начала нужно было хоть что-нибудь вызнать, получив у того же герра Вандервельде всю возможную информацию, причем – не задавая прямых вопросов. Все это сильно напоминало Вожникову старую детскую игру – «да» – «нет» не говорить, «холодное» – «горячее» не называть. Что ж, коли уж на то пошло – поиграем!

– Хорошее вино, – сделав жадный глоток, похвалил Егор. – Вкусное. Поди, из Неаполя?

– Нет, местное. – Голландец улыбнулся, показав крупные белые зубы. – Из Мозеля.

– Славно. И все ж, как-то скучновато мы едем, так и состарюсь.

– Не успеете, – хмыкнул хозяин «Сесилии». – Хотя, признаюсь, ехать-то еще порядком. Однако парни у меня хоть куда, да и вообще, вряд ли кто осмелится напасть... с нашей-то подорожной!

Тут голландец поспешно прикусил язык, сообразив, что сболтнул лишнее. Егор тут же сделал вид, что ничего такого не расслышал, попросил еще вина, выпил, смачно закусив куском окорока.

Отправив обратно в возок, руки ему так и не сковали. Забыли или не сочли нужным, ведь пленный князь вел себя более чем пристойно – не орал, не буянил, не дрался и не пытался бежать. Зачем зря народ расстраивать? Вот когда нужно будет, тогда можно и подраться. Коли возникнет такая нужда... именно нужда, а не потребность души, которая, честно сказать, у Вожникова давно уже возникла, и будь князь человеком несдержанным или – веди себя Ван-

дервельде по-хамски... Что-то, наверное, и случилось бы... что-нибудь весьма несвоевременное, спонтанное и глупое.

А так... путешествовал он вполне комфортно: днем отсыпался в кибитке, а каждый вечер пил вино, подолгу беседуя со своим тюремщиком. Именно с голландцем, с ним одним, воины явно подчинялись шкиперу, боялись его и без нужды даже и подходить не осмеливались. Однако, дисциплинка!

Иногда ночевали и на постоянных дворах, но узника все равно держали в повозке под строжайшей охраной, и все же мало-помалу у Вожникова складывалась более-менее цельная картина. Он догадался уже, что везут его куда-то в самое сердце Германии, в Нюрнберг или еще дальше, на юг.

И ясно уже стало – к кому. К германскому и венгерскому королю Сигизмунду Люксембургу, так мечтавшему стать императором! А может, он уже им и стал – выбрали. Тогда имеет ли смысл бежать? Сигизмунд явно не осмелится сделать хоть что-то плохое столь знатному пленнику, побоится... хотя – кто его знает, отморозков хватало и среди императоров.

И тем не менее...

Пламя горящих в гулкой просторной зале свечей отражалось на лицах судей багровыми отблесками, не сулящими ничего хорошего подсудимым... среди которых был князь Егор и какой-то худой и сутулый мужчина с добрым морщинистым лицом и горящим взором.

Судьи только что возвратились из тайной комнаты, куда уходили на совещание, и приговор уже был вынесен, оставалось только лишь его огласить. Что, скинув с головы капюшон, и сделал один из собравшихся, оглядев всех ненавидящим взором фанатика:

– Ян из Гусинца, зовомый Ян Гус, бывший профессор... бывший ректор... бывший...

Слова отзывались в мозгу Егора холодным безжалостным эхом.

– Еретик! Еретик... еретик... еретик... По приговору суда, волею императора и святейшего папы... К смерти без пролития крови... к смерти... смерти... смерти...

– Некто, дерзновенно именующий себя фюрстом и королем Руси... королем Руси... Руси... Руси... Самозванец и еретик, смущающий людские умы... Еретик... Еретик... Еретик... К смерти... смерти... смерти...

И вот уже на узкой площади они стояли рядом у позорных столбов – бывший профессор Пражского университета Ян Гус... и Егор Вожников... Великий князь Георгий!

– Самозванец! Смерть ему, смерть!

У ног приговоренных к смерти уже лежали пухлые вязанки хвороста и дров, осталось лишь только поджечь... и ухмыляющийся палач в красном капюшоне, сплюнув, поднес к хворосту пылающий факел!

И сразу же занялось пламя, лизнуло Егора в щеки... и уже больше не отпускало... Затрепал вскипающий жир, и страшная, нестерпимая боль пронзила все тело...

– Не воруй, не воруй лес, ага-а-а! – подпрыгивая, грозил кривым пальцем палач, в котором Вожников тут же признал известного на весь район взяточника – помощника районного прокурора.

– Я не воров-а-ал! – кривясь от боли, закричал Егор. – У меня лесопорубочный билет в порядке, сами видели... И знаю я, кто все это подстроил, знаю!

– И мы знаем! Все про тебя знаем, все-о-о!

Егор проснулся в холодном поту, уселся на полу в кибитке, обхватив руками голову. Князь прекрасно понимал: это был не просто сон – видение. Наконец-то... Что ж, выходит, Сигизмунд все же решил перестраховаться, просто-напросто убрав своего самого опасного – в недалеком будущем – соперника. Принцип вполне понятный – нет человека, нет и проблемы. Сигизмунд еще довольно молод, умен и весьма хитер... но не мудр – социального опыта мало-

вато. По такому же принципу – «человек – проблема» – он расправится и с Яном Гусом... сильно подставив своего старшего брата, короля Чехии Вацлава, и получив головную боль на долгие годы в виде знаменитых Гуситских войн. Даже крестовый поход пришлось организовывать против войск Яна Жижки, громившего германских рыцарей более чем успешно. Да, крестоносцы победили, конечно – силы и ресурсы не сравнить! – но ведь все вполне могло обернуться иначе: как лет сто спустя – с Лютером. Тоже ведь точно такая же ситуация – погрязшая в грехах и роскоши официальная церковь, движение за реформацию, за возвращение к добродетелям, к традиционной христианской морали... за секуляризацию церковных сокровищ и земель. Последнее сильно манило и короля Вацлава, и многих прочих очень даже могущественных феодалов, просто у чешского короля не хватило политической воли поддержать Гуса, а вот у неких германских князей с Лютером вполне получилось. Так и здесь могло быть, на сто лет раньше.

Даже и то, что Гус был казнен, не сняло бы проблемы, нашелся бы кто-то другой – Иероним Пражский, Николай из Дрездена, да тот же Ян Жижка – по сути, чешский Томас Мюнцер. И вот это обернулось для восставших не очень-то хорошо: слишком уж ярко выраженный социальный момент и радикальные, с явным еретическим душком, идеи так называемых «чашников» оттолкнули от сторонников Гуса очень многих, и в первую очередь – рыцарей, бюргеров, прелатов, тех, кто имел уже и деньги, и силу, и власть. Именно эти слои поддерживали... поддержат лет через сто – Лютера с его девянотою пятью тезисами, а ведь с Лютером папа намеревался поступить точно так же, как сейчас поступили с Гусом. Но – не удалось! А сейчас – удалось... то есть еще не удалось, но удастся – Гуса все же сожгут в Констанце по решению церковного собора. А какой был удобный момент, куда удобнее, чем через сто лет будет! Три папы! Каждый друг друга проклинаят, новоизбранного Александра вообще в грош не ставит никто. Так что мог бы и Жижка... или кто другой – было бы желание. Знаменитый, приписываемый товарищу Сталину принцип тут не сработал, Сигизмунд на авось действовал, не просчитывая «вдаль» ничего. Или просто не мог просчитать, не хватало умения стратегически мыслить... хотя тактик-то он был неплохой, этого не отнимешь – и Венгрию к рукам прибрал, и императорскую корону. Обставил старшего брата Венцеля – Вацлава.

Вожников усмехнулся. Похоже, германский король Зигмунд – Сигизмунд был из тех, кто сначала бьет, а уж потом – думает. Такой вполне мог и казнить, причем где-то в глубине души чувствуя, что потом сам же сильно об этом пожалеет. Поддержал бы Гуса, папу бы кинул – стал бы богачейшим и сильнейшим в Европе властелином. Или – не стал. Как карта легла бы. В любом случае, с Сигизмундом нужно было держать ухо востро... о чем более чем настойчиво говорили видения. Надо же – костер! Егор передернул плечами. Ишь, сжечь решили – тоже еще, Жанну д'Арк нашли... которая, вообще-то, по большей части – миф, выдуманный после крушения Наполеона. Ну, нужно было французам себя хоть чем-то утешить.

С утра по обеим сторонам дороги вновь потянулись леса. Впрочем, они быстро сменились зеленеющими всходами полей, перемежающимися стерней и явно заброшенными землями – лет шестьдесят назад страшная эпидемия чумы – «черная смерть» – выкосила почти пол-Европы, уничтожив множество людей и тем самым на полтора-два десятилетия задержав наступление Нового Времени – «открытие» Америки, Реформацию, конкисту, распространение научных взглядов на мир.

Чем дальше ехали, тем больше попадалось на пути выглядевших довольно зажиточными деревень, городков, феодальных замков – человеческая популяция восстанавливалась быстро.

Вожников давно уже мог наблюдать за тем, что творилось снаружи, через слегка разошедшийся шов в самом углу кибитки – вот и развлекался, смотрел попеременно то правым, то левым глазом, прислушиваясь к разговорам попутчиков и встречных. Ехали долго, и северогерманская речь уступила место иной – южной – с большими вкраплениями латыни, а также

итальянских и французских слов. Вот когда князь с благодарностью вспомнил супругу – диалект южных немецких земель именно она заставила выучить, и теперь Егор многое понимал.

Они уже проехали многолюдный и шумный Нюрнберг и двигались дальше на юг. Благодаря видению князь теперь хорошо знал, куда – в Констанц, конечно же!

А вот ему туда что-то не очень хотелось! Наступила пора действовать, и действовать безотлагательно – своим видениям Егор привык доверять.

Потянувшись, узник снова припал глазом к щелочке, наострил уши – «автозак», как он прозвал свою кибитку, и сопровождавшие его воины во главе с Вандервельде остановились, застряли в плотной людской толпе – пробка!

– Да что там такое, что? – привстав в стремях, выкрикнул шкипер. – А ну, Герхард, сбегай узнай.

Молодой, еще безусый, воин в кургузой курточке и смешном ярко-васильковом берете с петушиными перьями, при палаше, спешившись, юркнул в толпу. И вернулся минут через десять – красный, взлохмаченный, без берета и с оторванным рукавом... хорошо, палаш не потерял, Аника-воин!

– Там это... обоз с мукою – дли-и-инный, как змей! Все ворота заняли, нам с повозкой не протиснуться точно.

– Не протиснуться? – Погладив коня по гриве, голландец покусал ус. – А другие что делают? Тут же с повозками не одни мы.

– Другие... я не...

– Так спроси, если не вызнал! Вон, у этих бродяг и спроси.

Вандервельде кивнул на только что развернувшийся фургон – запряженную парочкой мулов телегу с красно-желтым шатром с веселыми зелеными звездочками и треугольниками и забавными рисунками, издав далеко напоминавшими граффити. Мулов вел под уздцы высокий атлет в разноцветном трико и коротком, накинута на плечи кафтане.

– И вам не проехать? – глянув на растрепанного Герхарда, улыбнулся атлет. – Тут нынче можно и до вечера простоять – обоз из Вормса пришел. Так что лучше всего будет через другие ворота въехать – через Птичьи или Святого Якова.

– А вы через какие поедете?

– Мы – через ворота Рыбаков, там потом у реки и встанем.

Юный воин довольно тряхнул локонами:

– Ну и мы за вами.

– Так вам круг получится.

– Ничего, мы у реки коней напоим.

– Ну, дело ваше, поехали. Первый раз в Аугсбурге?

– Угу, первый.

– Тогда смотрите, не отставайте, Аугсбург – город большой, людной. Да и ярмарка нынче.

Еще раз улыбнувшись, атлет повел своих мулов вперед и даже любезно дождался, когда воины развернут «автозак» с узником.

Значит, Аугсбург... Вожников задумчиво почесал бородку, пытаясь вспомнить, что он об этом городе знает. Выходило, что ничего. Абсолютно. И это было очень плохо, поскольку именно здесь князь и намеревался бежать – а чего еще ждать-то? Тем более – здесь народу много, поди-ка беглеца сыщи, особенно когда города не знаешь. Быстро продумав план, князь уже совершил кое-какие предварительные действия и к вечеру, оказавшись во всеоружии, лишь молился, чтобы все прошло гладко.

Первым делом нужно было усыпить бдительность охраны, а уж потом, освободившись от ножных оков, бежать с первым проблеском рассвета. Ночью побег не имел смысла – князь не знал города, да и главные улицы, скорее всего, перегораживались на ночь решетками, к тому

же беглеца могла схватить ночная стража. Поэтому – на рассвете. Егор уповал и на то, что воины вряд ли поднимутся с первыми лучами солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.